

Я больше

**НЕ ВАШ ТЫЛ,
ГЕНЕРАЛ**

ВИОЛЕТТА ВЕСНА

Виолетта Весна

Я больше не ваш тыл, генерал

«Автор»

2026

Весна В.

Я больше не ваш тыл, генерал / В. Весна — «Автор», 2026

Семь лет я была женой генерала Арсена Градова. Ждала. Молчала. Понимала. Была его тылом, пока однажды не увидела у него другую жизнь: закрытую квартиру, испуганную женщину и ребенка, который ждал его прихода. Я не стала устраивать сцен. Просто пришла к нему в штаб и положила на стол документы на развод.— Подпишите, генерал. Я больше не ваш тыл. Он подписал. Без борьбы. Без объяснений. Без единой просьбы остаться. Но вскоре я узнала: та женщина не была любовницей. Ребенок не был его сыном. Они были свидетелями по делу, за которое убивают. Теперь за мной охотятся, а бывший муж снова пытается меня защитить. Только он никак не поймет: я ушла не потому, что он не смог меня спасти. Я ушла потому, что он ни разу не дал мне права выбирать самой.

© Весна В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Не ваш тыл	5
ГЛАВА 2. Подпись без борьбы	14
ГЛАВА 3. Женщина на закрытом адресе	26
ГЛАВА 4. Развод не спас	46
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Виолетта Весна

Я больше не ваш тыл, генерал

ГЛАВА 1. Не ваш тыл

Я сняла кольцо за два квартала до управления.

Не потому, что боялась передумать. Нет. Передумывают те, у кого внутри еще остался спор.

Во мне спора больше не было.

Я остановилась у светофора, опустила стекло и впервые за семь лет посмотрела на свою руку без тонкого платинового ободка. На безымянном пальце осталась светлая полоска — ровная, почти неприличная. Как след от наручника, который носишь добровольно и называешь браком, пока однажды не понимаешь: ключ давно не у тебя.

На пассажирском сиденье лежала серая папка.

Развод.

Два экземпляра. Подписи с моей стороны. Заявление. Копии документов. Все аккуратно, без помарок, без истерики. Я собирала их ночью, за кухонным столом, где Арсен за последний месяц появился ровно два раза. Один раз — чтобы забрать папку с допуском. Второй — чтобы молча выпить кофе и уйти, не заметив, что я сижу напротив и смотрю на него так, будто прощаюсь.

Впрочем, он много чего не замечал.

Или делал вид.

Светофор сменился. Я вернула руку на руль и поехала дальше.

Управление «Контур» занимало серое здание у набережной — тяжелое, прямое, без лишних стекол и вывесок. Такие дома не приглашали. Они проверяли. Даже воздух рядом казался холоднее: металл рамок, камеры по углам, темные окна, за которыми никто никогда не махал рукой.

Раньше я входила сюда как жена генерала Градова.

Не часто. По официальным поводам. Приемы семей, вручение наград, благотворительные встречи, заседания фонда. Меня знали в лицо, открывали турникет быстрее, чем я успевала достать пропуск, и называли по имени-отчеству с той осторожностью, с какой произносят не человека, а часть чужого звания.

Варвара Ильинична.

Супруга Арсена Викторовича.

Тыл генерала.

Я припарковалась у гостевого въезда, взяла папку и вышла из машины.

Июньский ветер с залива прошелся под воротником пальто. Холодный, влажный, неприятно трезвый. Хороший ветер. Под него легче не врать себе.

На проходной дежурный поднял глаза от монитора и на секунду растерялся.

— Варвара Ильинична? — Он поспешно выпрямился. — Вас не предупреждали, что сегодня закрытое совещание. Посещения только по списку.

— Значит, мне повезло, — сказала я. — Генерал на месте.

Он моргнул.

— Арсен Викторович занят. Я могу передать, что вы...

— Не надо передавать. Я сама.

Дежурный посмотрел на папку в моей руке. Потом на мое лицо. Он был молодым, но не глупым. В «Контуре» вообще редко держали глупых. Здесь люди быстро учились отличать

жену, которая привезла забытый документ, от женщины, которая пришла ломать свою жизнь ровно и без крика.

— Варвара Ильинична, я обязан согласовать проход.

— Согласовывайте.

Он потянулся к телефону, но я положила ладонь на стойку.

— Только не с ним.

— Простите?

— Не с генералом Градовым. С его приемной. С кем угодно. С тем, кто имеет право сказать мне «нет» письменно.

Дежурный замер.

Я почти пожалела его. Почти.

Семь лет я была удобной женой неудобного мужчины. Знала, где промолчать. Где улыбнуться. Где не спрашивать. Где сделать вид, что очередной звонок в три часа ночи важнее годовщины, ужина, разговора, меня.

Сегодня удобство закончилось.

Парень все-таки набрал внутренний номер. Говорил тихо, коротко, с каждым словом все сильнее вытягиваясь в спине.

— Да. Варвара Ильинична Градова. Да, здесь. Нет, без записи. Говорит, к генералу...

Понял.

Он положил трубку.

— Вас проводят до приемной.

— До кабинета, — поправила я.

— Совещание...

— Я слышала.

Он больше не спорил.

Турникет щелкнул, пропуская меня внутрь.

В холле пахло кофе, мокрым камнем и чем-то стерильным, как в дорогах больницах. На стене висели экраны с картами, закрытыми секторами, движением групп. Люди в темной форме проходили быстро, почти бесшумно. Кто-то кивал мне. Кто-то отводил взгляд. Слухи, наверное, уже бежали впереди меня быстрее лифта.

Жена генерала пришла без записи.

С папкой.

С лицом женщины, которая больше не хочет быть женой.

У лифта меня встретил Кирилл Радан.

Заместитель Арсена всегда улыбался так, будто заранее знал, в каком месте человеку станет больно. Высокий, сухой, безупречно вежливый. В темном костюме, не в форме. Такие мужчины умеют казаться гражданскими даже внутри здания, где все дышит приказом.

— Варвара Ильинична, — сказал он мягко. — Неожиданный визит.

— Для меня тоже многое стало неожиданным, Кирилл Андреевич.

Его взгляд скользнул к папке. Мельком. Почти незаметно.

— Арсен Викторович сейчас на совещании с руководителями секторов. Возможно, я смогу помочь?

— Не сможете.

— Вы даже не знаете, что я предложу.

— Знаю. Отложить. Подождать. Не сейчас. Пройти в комнату для переговоров. Выпить кофе. Позволить вам все уладить так, чтобы в коридорах никто не услышал лишнего.

Улыбка у него не исчезла, только стала тоньше.

— Вы сегодня решительно настроены.

— Сегодня я просто пришла с документами.

Лифт открылся. Я вошла первая.

Радан зашел следом, но кнопку нажал не сразу.

— Варвара Ильинична, — произнес он уже тише. — Иногда в семьях людей его уровня возникают... недоразумения. Из-за режима службы. Из-за секретности. Из-за чужих домыслов.

Я посмотрела на него.

— Вы сейчас говорите как заместитель моего мужа или как человек, который знает больше меня?

На миг между нами стало пусто.

Кирилл Андреевич нажал кнопку четвертого этажа.

— Я говорю как человек, который желает вам не совершать необратимых поступков.

— Поздно.

Лифт дернулся вверх.

Я смотрела на свое отражение в матовых дверях. Темные волосы собраны низко, губы без помады, пальто застегнуто до горла. Спокойная женщина. Почти чужая.

Никто бы не сказал, что неделю назад я стояла во дворе дома на улице Кедровой и смотрела, как мой муж выходит из подъезда, которого не должно было быть в нашей жизни.

Арсен был не один.

Женщина в светлом плаще держала за руку мальчика лет шести. Мальчик что-то сказал, и Арсен наклонился к нему. Не резко, не командно. Почти бережно. Поправил ему шарф, коснулся плеча, потом поднял глаза к окнам, будто проверял, нет ли угрозы.

Я тогда сидела в машине через дорогу и не могла вдохнуть.

Не потому, что увидела женщину.

Измена — слово грубое, почти простое. Оно хотя бы дает понятную боль.

Страшнее было другое.

Я увидела в его движениях то, чего годами не могла получить сама: присутствие. Внимание. Тепло, спрятанное глубоко, но все-таки настоящее.

Женщина коснулась его рукава. Арсен не отстранился.

А потом мальчик поднял лицо и сказал что-то, от чего Арсен чуть заметно улыбнулся.

Улыбнулся.

Мне он так не улыбался давно.

Лифт остановился.

— Четвертый этаж, — сказал Радан.

— Я помню.

Коридор руководства был тише остальных. Толстый серый ковролин глушил шаги. Закрытые двери. Камеры. Таблички без лишних слов. В конце — приемная Арсена. За стеклянной перегородкой поднялась его секретарь, Инна Михайловна.

Она всегда нравилась мне. Сухая, собранная, без подобострастия. Сегодня ее лицо дрогнуло.

— Варвара Ильинична...

— Он в большом зале?

— Да, но...

— Спасибо.

Я прошла мимо.

— Варвара Ильинична, нельзя, — сказала она уже неформально, почти с просьбой.

Я остановилась у двери переговорной.

За ней звучал голос Арсена.

Низкий. Ровный. Тот самый голос, от которого люди в этом здании переставали шевелиться лишний раз.

— ...перепроверить маршрут до завтрашнего утра. Отдельно — сектор северного выезда. Мне не нужны объяснения, мне нужен результат.

У меня сжались пальцы на папке.

Сколько раз я слышала этот голос по телефону, когда он отвечал кому-то ночью? Сколько раз он говорил мне: «Спи, Варя», уже отворачиваясь к окну? Сколько раз я убеждала себя, что однажды, когда все станет спокойнее, он вернется ко мне не телом, а полностью?

Спокойнее не становилось.

Просто я становилась тише.

Я открыла дверь.

В переговорной сидело человек двенадцать. Руководители секторов, двое в форме, несколько гражданских специалистов, Радан вошел за мной последним и остался у стены. На большом экране застыла схема города с красными отметками.

Арсен стоял у стола.

Темная форма сидела на нем так, будто была продолжением тела. Широкие плечи, седина у висков, собранное лицо. Он держал в руке планшет, но, увидев меня, опустил его.

Никто не сказал ни слова.

Только на другом конце стола кто-то слишком резко закрыл папку.

— Варвара, — произнес Арсен.

Никакого удивления. Никакой растерянности. Лишь короткая пауза между моим именем и тем, что он уже начал просчитывать последствия.

Я закрыла дверь.

— Продолжайте. Я ненадолго.

Его взгляд прошел по моему лицу, по пальто, по папке. На моей правой руке он задержался на долю секунды.

Кольца не было.

Вот тогда в нем что-то изменилось.

Не снаружи. Снаружи генерал Градов остался неподвижен. Но я знала его семь лет. Я видела, как чуть сильнее легла складка у рта. Как пальцы на планшете сжались ровнее. Как воздух вокруг него стал жестче.

— Совещание окончено, — сказал он.

Люди начали вставать.

— Не надо, — остановила я. — Я не займу много времени.

Арсен не посмотрел на них. Только на меня.

— Выйдите, — сказал он.

Одного слова хватило.

Стулья отодвинулись почти одновременно. Мужчины и женщины прошли мимо меня быстро, стараясь не встречаться глазами. Радан задержался последним.

— Арсен Викторович, если потребуется...

— Выйдите, Кирилл.

Радан склонил голову и вышел.

Дверь закрылась.

В переговорной стало так тихо, что загудел кондиционер.

Арсен положил планшет на стол.

— Что случилось?

Я усмехнулась. Очень коротко.

— Вы правда хотите начать с этого вопроса?

— Я хочу понять, почему ты пришла сюда.

— Потому что дома вы не слышите.

— Дома мы можем говорить без свидетелей.

— Дома я семь лет молчала без свидетелей.

Он сделал шаг ко мне.

Я сразу подняла ладонь.

— Не надо.

Он остановился.

Раньше я бы не заметила, насколько быстро он подчинился. Арсен всегда умел останавливаться ровно там, где еще не начиналось насилие. В этом и была его особая жестокость: он никогда не давал повода обвинить себя в грубости. Только в холоде. Только в молчании. Только в том, что рядом с ним ты постепенно исчезаешь, а он считает это порядком.

Я подошла к столу и положила папку перед ним.

Серая. Тонкая. Ничего особенного.

А внутри семь лет ожидания, три забытые годовщины, две операции, после которых он не приезжал домой по трое суток, один мой выкидыш, о котором мы так и не поговорили нормально, и квартира на улице Кедровой, где женщина в светлом плаще держала за руку мальчика.

— Подпишите, — сказала я.

Арсен не открыл папку сразу.

— Что это?

— Документы на развод.

Он посмотрел на папку. Потом на меня.

Не так, как смотрят мужчины, которых застали врасплох. Нет. Арсен вообще редко бывал застигнут врасплох. Он смотрел так, будто перед ним положили взрывное устройство, а он уже понял, какой провод нельзя трогать.

— Варвара.

Я ненавидела, когда он произносил мое имя таким тоном. Низко, осторожно, почти мягко. От этого хотелось вспомнить, что когда-то я любила его голос. Что когда-то он мог сказать «Варя» у меня над ухом, и мир становился уже, теплее, проще.

Но он давно не говорил «Варя».

Он говорил: «Я поздно».

«Не жди».

«Закрой дверь».

«Потом».

Потом кончилось.

— Подпишите, — повторила я.

— Мы обсудим это дома.

— Нет.

— Это не разговор для штаба.

— А у нас все важное было не для дома, Арсен. Ваши звонки. Ваши ночные выезды. Ваши закрытые адреса. Ваши женщины с детьми.

Его лицо не изменилось, но глаза стали темнее.

— Что ты видела?

Вот так.

Не «это не то, что ты подумала». Не «позволь объяснить». Не «мне жаль».

Что ты видела?

Контроль ущерба. Оценка утечки. Генерал на месте, муж отсутствует.

Во мне что-то окончательно остыло.

— Достаточно.

— Варвара, ты не понимаешь...

— Конечно. Я же семь лет ничего не понимала. Я только ждала. Это у меня хорошо получалось.

Он медленно выдохнул.

— Сейчас не время.

Я почти рассмеялась.

— Для вас никогда не время. Ни любить, ни говорить правду, ни терять жену.

Арсен отвернулся к окну на секунду. Всего на секунду. Потом снова посмотрел на меня.

— Ты пришла сюда, чтобы наказать меня публично?

— Нет. Публично было бы при ваших людях. Я дала вам больше уважения, чем вы дали мне.

— Я никогда не хотел тебя унижить.

— У вас получилось без желания.

Он молчал.

Я открыла папку сама и развернула к нему первый экземпляр.

— Здесь все стандартно. Имущественных претензий нет. Квартиру оставьте себе. Машину я переоформлю. Фонд не трогаете. Мою работу не трогаете. Мою жизнь — тоже.

— Ты говоришь так, будто я держал тебя силой.

— Нет. Хуже. Вы держали меня надеждой.

Впервые его взгляд дрогнул.

Ненадолго.

Но я увидела.

И почти возненавидела себя за то, что мне стало больно. Потому что какая-то старая, глупая часть меня все еще хотела, чтобы он остановил меня. Не приказал. Не заблокировал счет. Не выставил охрану у двери.

А просто сказал: «Не уходи. Я виноват. Дай мне объяснить».

Он не сказал.

Арсен взял ручку.

Его пальцы были спокойны. Большие, сильные, знакомые до невыносимости. Эти руки когда-то застегивали на мне платье перед приемом, когда молния заела у лопаток. Эти руки держали мою ладонь в больнице, пока врач говорил слишком тихо. Эти руки ложились мне на талию ночью, и я думала: вот он, мой дом, даже если днем его почти нет.

Теперь эти руки подписывали наш развод.

Первая подпись легла ровно.

Сухо.

Четко.

Без клякс.

Я смотрела и не моргала.

Вторая.

Арсен закрыл ручку и оставил ее на папке.

— Готово.

Одно слово.

Готово.

Я почему-то вспомнила нашу свадьбу. Загс, белое платье без пышности, его форма, моя ладонь в его руке. Тогда он тоже подписал документы быстро. Только после этого наклонился ко мне и тихо сказал:

«Теперь ты под моей защитой».

Тогда мне показалось это красивым.

Теперь — страшным.

Я забрала папку.

— Благодарю за оперативность, генерал.

Он едва заметно поморщился.

— Не называй меня так.

— Почему? Все ваши люди называют.

— Ты не все мои люди.

— Уже да.

Он шагнул ближе. На этот раз я не успела поднять руку. Он остановился сам, оставив между нами расстояние в один вдох.

— Не ездь больше на Кедровую, — сказал он.

Сердце ударило глухо, неприятно.

— Значит, адрес правильный.

— Варвара.

— Как ее зовут?

Он молчал.

— Женщину. Как ее зовут?

— Это не имеет отношения к разводу.

Я кивнула.

— Зато имеет отношение к браку.

В его взгляде появилось что-то тяжелое. Почти усталость. Почти просьба. Но Арсен Градов не просил. Он слишком хорошо умел выдерживать боль молча и почему-то думал, что остальные обязаны делать так же.

— Не приближайся к этому дому, — сказал он. — И не пытайся выяснять то, что тебя не касается.

Я медленно убрала папку под мышку.

— Поздно вспомнили, что меня что-то может касаться.

— Ты не понимаешь, во что лезешь.

— Я не лезу. Я ухожу.

— Это не одно и то же.

— Для меня — одно.

Он посмотрел на мою руку. На светлую полоску от кольца.

— Где оно?

Глупый вопрос. Невозможный. Почему-то именно от него внутри дернулось сильнее, чем от подписи.

— В машине.

— Надень.

Я подняла глаза.

— Что?

— Пока документы не прошли суд, ты моя жена.

Вот он.

Генерал.

Приказ вместо боли. Контроль вместо просьбы. Не «мне больно видеть твою руку пустой». Не «не снимай, потому что я еще не готов потерять». Просто: надень.

Я усмехнулась.

— Вы правда сейчас отдаете приказ?

Он сжал челюсть.

— Я прошу.

— Нет. Вы просто сказали тише.

Пауза стала острой.

За дверью кто-то прошел. Шаги остановились и быстро удалились.

Я развернулась к выходу.

— Варвара.

Я остановилась, не оборачиваясь.

— Охрана проводит тебя до машины.

— Я сама дошла сюда. Сама дойду обратно.

— Это здание с закрытым режимом.

— А я, кажется, уже не часть вашего режима.

— Ты все еще под моей ответственностью.

Тогда я обернулась.

И сказала спокойно. Так спокойно, что он наконец услышал.

— Нет, Арсен. С этого дня я под своей.

Он смотрел на меня долго.

В темных глазах было то, что я не сумела прочесть. Или не захотела. Слишком поздно начинать понимать человека, который семь лет считал молчание формой заботы.

Я открыла дверь.

В приемной все сделали вид, что заняты. Инна Михайловна печатала слишком быстро. Радан стоял у окна с телефоном в руке. Еще двое сотрудников исчезли в коридоре почти сразу, как я вышла.

Я прошла мимо них.

Почти дошла до лифта, когда за спиной открылась дверь.

Арсен вышел следом.

— Варвара.

Я нажала кнопку вызова.

— Вы уже все подписали.

— Подпись не отменяет разговора.

— У нас было семь лет на разговор.

Радан стоял у окна неподвижно. Я чувствовала его взгляд, хотя он смотрел будто бы в телефон.

Арсен подошел ближе. Не вплотную. Он всегда идеально чувствовал границы пространства, когда хотел.

— Сегодня вечером я приеду.

— Нет.

— Это не обсуждается.

Я повернулась к нему.

— Вы только что подписали документ, где написано, что обсуждается теперь все. В том числе ваше право входить в мою квартиру.

В его лице снова ничего не изменилось.

Но я видела: попала.

Не в гордость. Глубже.

— Я не оставлю тебя одну, пока...

Он замолчал.

Я ждала.

Пока что, Арсен?

Пока твоя женщина с ребенком не исчезнет из моей головы? Пока я не перестану задавать вопросы? Пока ты не решишь, что бывшая жена достаточно безопасна, чтобы больше не портить тебе совещания?

Он так и не договорил.

— Привыкайте, — сказала я. — Я теперь часто буду одна.

Лифт открылся.

Я шагнула внутрь.
И в эту секунду на столике в приемной завибрировал телефон Арсена.
Он, видимо, оставил его там перед совещанием. Черный аппарат лежал экраном вверх.
Звук был отключен, но дисплей вспыхнул ярко, почти вызывающе.
Я не хотела смотреть.
Честно.
Но иногда взгляд предает быстрее сердца.
На экране было имя.
Таисия.
И ниже, в строке сообщения:
«Лев опять спрашивает, когда ты придешь».
Лифт ждал.
Арсен успел увидеть, куда я смотрю.
Между нами не осталось даже воздуха.
Он шагнул к телефону, но не взял его сразу. Сначала посмотрел на меня. Уже без генеральской неподвижности. Уже почти как мужчина, который понял: самая страшная часть случилась не тогда, когда жена принесла документы.
А сейчас.
Когда она получила подтверждение.
Я вошла в лифт и нажала первый этаж.
Двери начали закрываться.
— Варвара, — сказал он.
В его голосе впервые за весь день было нечто похожее на трещину.
Я не ответила.
Потому что если бы ответила, сорвалась бы. А я не для этого пришла.
Двери сомкнулись.
Лифт пошел вниз.
Я стояла с папкой на руках и смотрела на свое отражение в темном металле.
Жена генерала Градова только что осталась наверху.
Вниз спускалась женщина, которой предстояло заново научиться жить без чужого приказа.
И без надежды, что он когда-нибудь все объяснит.

ГЛАВА 2. Подпись без борьбы

В машине кольцо лежало там же, где я его оставила.

В маленьком углублении под климат-контролем, рядом с парковочным жетоном и старой заколкой, которую я потеряла еще весной. Платиновый ободок не сиял. Просто лежал — круглый, холодный, чужой.

Я села за руль и долго не заводила двигатель.

Руки дрожали.

Вот теперь — дрожали.

Там, наверху, в штабе, я держалась ровно. Говорила спокойно. Смотрела Арсену в глаза и не позволяла себе ни одного лишнего движения. Потому что если бы пальцы дрогнули, если бы голос сорвался, если бы я хоть на секунду позволила себе быть не женщиной с документами, а женой, которую только что подписали прочь из собственной жизни, — я бы не дошла до лифта.

А теперь можно было.

Никто не видел.

Я закрыла глаза и медленно вдохнула.

Перед глазами снова вспыхнул экран его телефона.

Таисия.

«Лев опять спрашивает, когда ты придешь».

Я не знала, что боль может быть такой аккуратной. Без крика, без крови, без видимого удара. Просто внутри что-то ставят на место и говорят: вот так теперь будет всегда.

Не «может быть, ты ошиблась».

Не «он объяснит».

Не «это случайность».

Женщина. Ребенок. Закрытый адрес. Сообщение на его телефоне. Его молчание.

Все складывалось слишком ровно.

Я взяла кольцо двумя пальцами и посмотрела на него. Внутри была гравировка, которую я когда-то выбирала сама: «Там, где ты».

Тогда мне казалось, что это красиво.

Теперь хотелось спросить у той прежней Варвары, где именно она собиралась быть. В приемной у чужого совещания? В пустой квартире? В коридоре больницы после выкидыша, пока муж разговаривал по защищенной линии и не мог уйти с объекта? У окна, когда новый год начинался без него, но с его коротким сообщением: «Не жди. Спи»?

Я открыла бардачок, положила кольцо внутрь и захлопнула.

Двигатель завелся не сразу. Или мне показалось, что не сразу. Я слишком остро слышала все: шелчок ключа, шорох папки на соседнем сиденье, собственное дыхание.

Выехала с территории управления без препятствий.

На проходной дежурный посмотрел на меня иначе, чем при входе. Уже не как на жену генерала. Как на человека, после которого в здании остается тишина и все делают вид, что ничего не случилось.

Я почти улыбнулась.

Добро пожаловать, Варвара. Тебя наконец заметили.

Дома пахло пылью, деревом и вчерашним кофе.

Наша квартира находилась на одиннадцатом этаже старого дома у воды. Не служебная. Арсен купил ее через год после свадьбы и сказал тогда:

— Здесь тихо. Тебе понравится.

Мне и правда понравилось.

Большие окна. Серый залив вдалеке. Широкие подоконники, на которых я мечтала поставить цветы. Глубокая кухня, где можно было готовить ужины для друзей. Две спальни, одна из которых долго значилась в планах как детская, а потом стала кабинетом, потому что так было удобнее не говорить о том, чего у нас не случилось.

Я вошла и закрыла дверь на замок.

Секунду стояла в прихожей, не разуваясь.

В квартире было слишком много Арсена.

Его темное пальто на вешалке, хотя он носил его редко. Пара строгих ботинок у стены. Ключи от сейфа в верхнем ящике консоли. Тяжелые часы на полке. Запах его парфюма — сухой, древесный, почти незаметный, но я знала его кожей.

Раньше этот запах означал: он дома.

Теперь — он был здесь даже тогда, когда его не было.

Я прошла в спальню, достала из гардеробной два чемодана и поставила их на кровать.

Первым делом сложила документы.

Паспорт, дипломы, свидетельства по фонду, личные папки, флешки, нотариальные копии. Движения были четкими, почти рабочими. Бумаги — проще вещей. У бумаг есть даты, подписи, номера. Они не пахнут прошлым.

Потом одежда.

Черное платье, в котором я была на приеме в министерстве. Арсен тогда сказал перед выходом:

— Хорошо выглядишь.

Всего два слова.

Я помнила их три месяца.

Светлая блузка, которую он сам застегивал мне на спине, когда молния заела. Его пальцы коснулись моей кожи, и я обернулась, надеясь, что он меня поцелует. Он только поправил воротник и сказал:

— Опаздываем.

Серый свитер, в котором я встречала его после той операции в Лахтинском секторе. Он пришел под утро, мокрый, с ссадиной на скуле. Я сидела на кухне и не могла подняться, потому что колени не слушались.

— Ты почему не спишь? — спросил он.

— Потому что ты живой.

Он посмотрел на меня устало, почти нежно. Потом подошел, коснулся губами моего лба и сказал:

— Не привыкай ждать.

Глупый совет для женщины, на которой он через месяц женился.

Я складывала вещи ровно, чтобы не дать себе развернуть ни одну память полностью. Но память все равно находила щели.

Вот шелковая рубашка. В ней я была в день, когда тест показал две полоски. Я тогда не сразу сказала Арсену. Дождалась вечера, накрыла ужин, купила маленькие носки смешного зеленого цвета. Он приехал почти в полночь, сел напротив, увидел коробку, открыл.

Сначала молчал.

Потом поднял на меня глаза. Впервые за долгое время — не генерал, не начальник управления, не человек с вечным грузом на плечах. Просто мужчина, который боится радоваться слишком рано.

— Варя, — сказал он тогда.

Одного имени хватило, чтобы я заплакала.

Через семь недель я лежала в больнице под белым одеялом и смотрела на окно, за которым шел дождь. Арсен держал мою руку так сильно, что потом остались следы от его пальцев.

— Мы справимся, — сказал он.

Я поверила.

А потом он ушел на срочный вызов через два часа после выписки.

И мы больше почти не говорили об этом.

Не потому, что мне не хотелось.

Потому что Арсен умел превращать боль в закрытую дверь. За нее нельзя было войти без допуска.

Я сняла рубашку с вешалки, прижала к себе на секунду и все-таки положила в чемодан.

Не оставлять.

Ничего не оставлять.

Телефон зазвонил, когда первый чемодан был почти полон.

На экране — «Мама».

Я смотрела на имя и не брала трубку.

Мама всегда знала, что с моим браком что-то не так. Не потому, что я жаловалась. Я как раз не жаловалась. В нашей семье женщины умели держать спину и говорить «все нормально» так, что за этим можно было похоронить полжизни.

Но мама знала.

Она видела, как я одна приезжала на семейные праздники. Как Арсен передавал букеты через водителя. Как я улыбалась, когда тетя спрашивала:

— А генерал твой опять страну спасает?

И отвечала:

— Работа.

Слово «работа» стало в нашем доме почти религией. Им можно было объяснить все. Пустую сторону кровати. Пропущенные ужины. Закрытые звонки. Мое одиночество. Его холод.

Телефон замолчал.

Через минуту пришло сообщение.

«Варя, ты в порядке? Мне Полина написала, что ты сегодня была в управлении».

Полина.

Конечно.

Я набрала коротко: «Жива. Потом позвоню».

Ответ пришел почти сразу: «Жива — не значит в порядке».

Я положила телефон экраном вниз.

Разбирать вещи оказалось легче, чем разбирать себя.

Второй чемодан наполнился быстрее. Косметика. Книги с прикроватной тумбы. Папка с личными фото. Я открыла ее и тут же пожалела.

Свадьба.

Я в простом молочном платье, Арсен в форме. Его ладонь на моей талии. Я улыбаюсь так, будто впереди только свет. Он смотрит не в камеру, а на меня. Сдержанно, но с такой концентрацией, что рядом с этим взглядом хотелось жить.

Еще фото: мы у моря в коротком отпуске. Четыре дня. Наш единственный настоящий отпуск за семь лет. Он тогда спал по двенадцать часов, а я читала рядом и боялась шевелиться, чтобы не разбудить. На третий день он затащил меня в ледяную воду, и я впервые услышала, как он смеется громко. По-настоящему. Без контроля.

Я закрыла папку.

Некоторые вещи нельзя брать с собой сразу. Они слишком тяжелые для чемодана.

В спальне остался мой свадебный букет в стеклянной рамке. Засушенные белые розы. Подарок от Арсена на первую годовщину, когда он не смог приехать вовремя и прислал курьера с рамкой и запиской: «Я помню».

Я тогда плакала от счастья.

Теперь хотелось спросить: что именно ты помнил, Арсен? Дату? Или меня?

Я сняла рамку со стены.

Долго держала.

Потом поставила обратно.

Не все нужно забирать. Некоторые памятники лучше оставить на месте разрушения.

К пяти вечера квартира изменилась.

Не стала пустой. Нет. Просто в ней появились прорехи. Половина полки в ванной освободилась. В гардеробной остались ровные ряды его костюмов и формы. В шкафу прихожей — пустые плечики после моих пальто. На кухне — моя чашка, которую я все-таки не стала брать. Белая, с тонкой трещиной у ручки.

Я заказала такси до квартиры Полины. Она без вопросов написала адрес и код подъезда. «Приезжай. Ключ оставлю у консьержа. Я буду поздно».

Вот что значит человек, который умеет помогать: не задает лишних вопросов, пока ты стоишь над чемоданами и боишься одного — что если кто-то сейчас спросит «как ты?», ты рассыплешься прямо на паркет.

Я уже застегивала второй чемодан, когда в замке провернулся ключ.

Не звонок.

Не стук.

Ключ.

Я выпрямилась.

Арсен вошел в квартиру и остановился в прихожей. Без фуражки, без пальто. В темной рубашке, рукава застегнуты, лицо закрыто спокойствием так плотно, будто с утра ничего не случилось.

Я стояла в спальне, он — у двери.

Между нами был коридор и семь лет брака.

Он медленно перевел взгляд на чемоданы.

— Ты быстро.

— Учусь у вас оперативности.

Арсен закрыл дверь.

— Куда ты поедешь?

— Не к вам.

— Я спросил адрес.

— А я ответила в пределах новых границ.

Он прошел в комнату, но остановился у порога. Смотрел на вещи. На пустую половину гардеробной. На снятые с полки книги. На мое лицо.

— Варвара, сейчас не время уходить.

Я тихо рассмеялась. Даже без веселья. Просто воздух вышел не так.

— Вы сегодня повторяете это второй раз. Может, запишете на листок? Повесим на холодильник рядом с вашим расписанием отпусков.

— Я серьезно.

— Я тоже.

— Ты не понимаешь ситуацию.

— Тогда объясните.

Он замолчал.

Вот и весь наш брак в двух словах.

Объясните.

Молчание.

Я подошла к кровати, сняла с нее пальто и перекинула через руку.

— Я устала, Арсен.

— От меня?

Вопрос был настолько простой, что я не сразу ответила.

Он стоял очень прямо. Слишком прямо. Так стоят люди, которые держат удар не потому, что не больно, а потому, что иначе нельзя.

И я вдруг поняла: ему правда нужен ответ.

Не для суда. Не для контроля. Не для протокола.

Для себя.

— Да, — сказала я. — От вас. От вашей службы. От вашего «потом». От ваших закрытых дверей. От того, что я семь лет была женой человека, у которого жизнь всегда где-то еще.

Он чуть опустил голову.

— Я работал.

— Нет, Арсен. Вы жили. Просто не со мной.

Он поднял глаза.

— Это неправда.

— Тогда где вы были прошлый вторник?

Пауза.

Я усмехнулась.

— Видите? Даже сейчас.

— Есть вещи, о которых я не могу говорить.

— А есть женщина, которой вы обязаны были говорить хоть что-то.

Он смотрел на меня тяжелым взглядом.

— Ты видела то, что не должна была видеть.

— Женщину и ребенка?

— Адрес.

— Какая разница? Суть я поняла.

— Нет.

Одно слово. Резкое. Почти сорвавшееся.

Я застыла.

Арсен провел ладонью по лицу. Нехарактерный жест. Слишком усталый, слишком человеческий.

— Ты ничего не поняла.

— Так помогите мне.

Он отвернулся к окну.

За стеклом темнел залив. По воде шла рябь, небо висело низко, серое, как крышка. Сколько вечеров я стояла у этого окна и ждала свет фар во дворе? Сколько раз думала: сейчас он поднимется, я не буду спрашивать, просто обниму?

Теперь он стоял рядом, а мне не хотелось его обнимать.

Мне хотелось, чтобы он наконец сказал правду.

— Ее зовут Таисия? — спросила я.

Арсен не обернулся.

Значит, да.

— А мальчика?

Молчание.

Я кивнула, хотя он не видел.

— Лев.

Теперь он повернулся.

Не резко. Но в глазах появилась та самая холодная собранность, от которой в управлении люди начинали говорить короче.

— Откуда ты знаешь?

— Из вашего телефона. Сегодня. В приемной.

Его челюсть напряглась.

— Ты не должна была...

— Смотреть? — Я перебила и сама удивилась, как ровно звучит голос. — Да. Простите. Надо было уважать вашу личную жизнь. Жаль, вы не научили меня этому раньше на своем примере.

— Там нет того, что ты думаешь.

— Конечно.

— Варвара.

— Нет, правда. Конечно, нет. У всех мужей, которые выходят из закрытых квартир с женщинами и детьми, есть очень убедительные объяснения. Просто именно мой муж не может их произнести, потому что государственная тайна, режим, допуск, опасность и еще десяток слов, которыми удобно закрывать рот жене.

Он шагнул ко мне.

— Не говори о том, чего не знаешь.

— Я семь лет этим занималась.

Фраза ударила точнее, чем я рассчитывала.

Арсен остановился.

В комнате стало тесно от невысказанного.

Он посмотрел на чемоданы.

— Остайся до утра.

— Нет.

— Тогда я поставлю охрану.

— Попробуйте.

— Варвара, не испытывай меня.

Вот теперь внутри поднялась злость. Горячая. Живая. Спасительная.

— А вы меня не пугайте, Арсен Викторович. Я не ваш подчиненный.

— Ты моя жена.

— Уже нет.

— Суд еще не развел.

— А вы уже подписали.

Он молчал.

Я подошла ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы он видел: я не отступлю.

— Знаете, что было самым унижительным сегодня? Не сообщение. Не имя этой женщины. Даже не ваша подпись. А то, как спокойно вы это сделали.

Его взгляд потемнел.

— Ты хотела, чтобы я устроил сцену?

— Я хотела, чтобы вы хоть раз выбрали меня не как объект защиты. Как женщину. Как жену. Как человека, которому можно сказать: «Я виноват».

— Я виноват.

Слова прозвучали тихо.

Слишком тихо.

Я не сразу поняла, что он действительно их сказал.

Арсен стоял напротив меня, очень близко, и смотрел так, будто каждое слово давалось ему через сломанную кость.

— Я виноват, — повторил он. — Но не в том, что ты сейчас думаешь.

Сердце ударило больно.

Вот он. Край. Дверь. За ней, возможно, была правда.

Я ждала.

Он мог сказать больше.

Мог.

Я видела, как он борется. Как взгляд уходит к двери, к окну, к моим чемоданам. Как привычка молчать поднимается в нем сильнее желания удержать.

И побеждает.

— Не ездь на Кедровую, — сказал он. — Не ищи Таисию. Не подходи к мальчику. Не открывай незнакомые письма. И если кто-то будет спрашивать о сегодняшнем разговоре, ты ничего не знаешь.

Я медленно отступила.

— Вот и все?

— Это важно.

— Для кого?

— Для твоей безопасности.

— Не смейте.

Он замер.

Я сама услышала, как изменился мой голос. Ниже. Тише. Опаснее.

— Не смейте прикрывать свою ложь моей безопасностью. Вы не имеете права после всего, что сделали, становиться здесь и снова отдавать мне инструкции.

— Я пытаюсь тебя защитить.

— А я пытаюсь от вас уйти.

— От меня можно уйти, — сказал он жестко. — От того, во что ты случайно вошла, нет.

Я вскинула голову.

— Случайно?

Он не ответил.

Но я уловила.

Случайно вошла.

Не в измену. Не в семейную драму. Во что-то другое.

Сердце стало биться быстрее, но я не позволила себе показать интерес. Арсен слишком хорошо умел пользоваться моим страхом за других людей. Стоило мне услышать слово «опасность», как юрист фонда, жена, женщина, привыкшая собирать чужие беды в папки и вытаскивать людей из бумажного ада, просыпалась быстрее, чем обиженная Варвара.

Нет.

Сегодня я не останусь.

— Я еду к Полине, — сказала я.

Он сразу спросил:

— Адрес?

— Вы его знаете.

Да, он знал. Арсен знал слишком многое. Где живет моя подруга. Каким маршрутом я еду на работу. Какой водитель такси у меня в избранном. В каком кафе я встречаюсь с клиентами фонда. Раньше это казалось заботой.

Теперь — картой наблюдения.

— Я отвезу тебя.

— Нет.

— Варвара.

— Я сказала нет.

Он посмотрел на меня внимательно.

— Ты боишься, что я тебя не отпущу?

Я хотела ответить резко. Но слова застряли.

Потому что боялась я не этого.

Я боялась, что если он сейчас подойдет, не как генерал, а как мой муж, положит руки мне на плечи и скажет: «Варя, пожалуйста», — я сломаюсь.

Я слишком долго ждала простого человеческого «пожалуйста» от мужчины, который умел командовать целыми группами, но не умел просить жену остаться.

— Я боюсь, — сказала я честно, — что вы снова сделаете вид, будто все решаете правильно.

Он побледнел. Едва заметно. Но побледнел.

— Я никогда не хотел сделать тебе больно.

— Знаю. В этом и проблема. Если бы хотели, было бы проще ненавидеть.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

Потом Арсен отошел к стене и взял мой первый чемодан.

— Я помогу спустить.

— Не надо.

— Варвара.

— Поставьте.

Он поставил.

Не сразу. Но поставил.

Маленькая победа. Ничтожная. До смешного. И все же я почувствовала ее всем телом: он услышал слово «нет».

Пусть с трудом.

Пусть с опозданием на семь лет.

Я взяла чемодан сама. Второй оказался тяжелее, ручка впилась в ладонь. Арсен дернулся, но остался на месте.

Я заметила.

И он заметил, что я заметила.

— Ключи, — сказала я.

— Что?

— Я оставлю свои ключи на консоли. Замки менять не буду, потому что половина квартиры ваша. Но прошу не приходить без предупреждения.

— Это и моя квартира тоже.

— Именно. Не мой дом.

Он ничего не сказал.

Я прошла в прихожую, положила ключи рядом с его часами. Секунду смотрела на связку. Ключ от подъезда, от двери, от почтового ящика, маленький брелок с морским камнем, который Арсен привез мне из той короткой поездки к морю.

Я сняла брелок и забрала.

Ключи оставила.

Арсен стоял за моей спиной.

— Варя.

Вот теперь.

Не Варвара.

Варя.

Я закрыла глаза на долю секунды.

Поздно, Арсен. Нельзя семь лет держать имя в сейфе и доставать его только тогда, когда женщина уже у двери.

— Не надо, — сказала я.

— Я приеду вечером к Полине.

— Нет.

— Хотя бы позвони, когда доберешься.

— Зачем?

Он молчал.

Я обернулась.

— Чтобы вы знали, что объект доставлен?

Он сжал губы.

— Чтобы я знал, что ты жива.

Ответ был слишком быстрым. И слишком настоящим.

Я ненавидела себя за то, что сердце дрогнуло.

— Я напишу Полине, — сказала я. — Если она захочет, сообщит вам.

— Это детский сад.

— Нет. Это границы.

Я открыла дверь.

Он не остановил.

Не взял за руку. Не приказал. Не загородил проход.

И почему-то от этого стало еще больнее.

Я вышла в коридор, потянула за собой чемодан. Колеса громко застучали по плитке. За спиной дверь квартиры оставалась открытой.

На лестничной площадке я вдруг вспомнила, как Арсен вносил меня сюда на руках после свадьбы. Не потому, что любил традиции. Он считал их глупыми. Но я тогда встала у порога и сказала:

— Ну? Генерал, у вас приказ.

Он посмотрел на меня с тем самым почти незаметным теплом, которое я потом годами ловила по крупицам.

— Приказ понятен.

И поднял.

Я смеялась, цеплялась за его шею, а он сказал тихо:

— Только не отпускай.

Тогда я подумала, что он про руки.

А он, может быть, уже тогда просил о том, чего сам не умел удержать.

Лифт открылся.

Я вошла внутрь и нажала первый этаж.

Когда двери закрывались, я увидела Арсена в проеме квартиры. Он стоял неподвижно. Один, среди наших оставленных вещей, и впервые за много лет не казался человеком, который контролирует все.

Такси ждало у подъезда.

Водитель помог поставить чемоданы в багажник, спросил адрес, включил навигатор. Я села назад и только тогда поняла, что все это время сжимала в кулаке маленький брелок с морским камнем.

На нем остался след от моей ладони.

Полина жила в новом доме на Песочной улице. У консьержа действительно лежал ключ. Квартира была маленькая, теплая, заставленная книгами и папками. На кухонном столе стояла записка: «Еда в холодильнике. Вино в нижнем ящике. Плакать можно везде, кроме балкона — там холодно».

Я прочитала и впервые за день почти улыбнулась.

Потом поставила чемоданы у стены, сняла пальто и села прямо на пол в коридоре.

Все.

Я ушла.

Не хлопнула дверь. Не устроила сцену. Не потребовала объяснений. Не бросила кольцо ему в лицо. Просто собрала вещи и ушла.

Странно, но это не ощущалось свободой.

Скорее — ампутацией.

Будто часть тела отрезали аккуратно, с обезболивающим, а мозг все еще ждет сигнала от пальцев, которых уже нет.

Я сидела на полу, пока в окнах не стало темно.

Потом телефон завибрировал.

Арсен.

Я смотрела на экран, пока вызов не сбросился.

Через минуту сообщение.

«Ты добралась?»

Я не ответила.

Еще через три минуты:

«Варвара. Ответь».

Я положила телефон на пол экраном вниз.

Он зазвонил снова.

Теперь Полина.

Я взяла сразу.

— Ты где? — спросила она без приветствия.

— У тебя.

— Слава богу. Ела?

— Нет.

— Пей воду. Не вино. Я задержусь в суде еще часа на два. И, Варя...

— Что?

— Мне звонил Градов.

Я закрыла глаза.

— Конечно.

— Я не сказала адрес. Хотя, подозреваю, он и так знает.

— Знает.

— Ты точно хочешь остаться у меня? Можем снять отель, если...

— Поля.

Она замолчала.

— Я подала на развод, — сказала я.

На том конце стало тихо.

Потом Полина выдохнула:

— Наконец-то.

Я почти засмеялась, но вышло больно.

— Спасибо за поддержку.

— Я поддерживаю. Просто не буду врать, что удивлена. Ты давно жила как вдова при живом муже.

Фраза попала точно.

Я сжала переносицу пальцами.

— Там есть женщина.

— Ты уверена?

— Я видела. И ребенка. Сегодня сообщение на его телефоне. Мальчик спрашивал, когда он придет.

Полина выругалась коротко и некрасиво.

— Он объяснил?

— Нет.

— Прекрасно. Мужчина года.

Я молчала.

— Варя, — голос Полины стал мягче. — Ты сейчас главное не начинай сама себя убеждать, что, может, у него причины.

Я открыла глаза.

На кухонном окне отражалась я: бледная, с распущенными волосами, в чужой квартире, без кольца.

— Уже начала.

— Не смей.

— Он сказал, что я не понимаю, во что лезу.

— Это классика. Сначала врут, потом делают вид, что спасают.

— Не знаю.

— А я знаю. До фактов верим не словам, а действиям. Его действие сегодня какое?

— Подписал.

— Вот и держись за это.

После разговора я все-таки выпила воды. Потом заставила себя открыть холодильник, нашла контейнер с гречкой и курицей, закрыла обратно. Есть не могла.

Телефон Арсена больше не звонил.

Это было хуже звонков.

Я ходила по квартире Полины, трогала корешки книг, смотрела на чужие фотографии, пыталась привыкнуть к мысли, что сегодня не услышу, как в нашей квартире открывается дверь. Не проснусь от его шагов в коридоре. Не сделаю вид, что сплю, потому что не хочу снова спрашивать, где он был.

Около десяти вечера пришло сообщение с незнакомого номера.

«Не ходите туда, где вас ждут».

Я смотрела на экран долго.

Ни подписи, ни пояснений.

Сначала подумала: глупая угроза от тех, кто как-то связан с Таисией. Потом — что это может быть чья-то ошибка. Потом — что мне срочно нужно позвонить Полине.

Я уже открыла ее контакт, когда телефон снова завибрировал.

На этот раз звонил охранник нашего фонда.

Сергей Николаевич никогда не звонил поздно. Он был бывшим участковым, пунктуальным до занудства, и после девяти вечера мог потревожить только по двум причинам: пожар или труп.

— Варвара Ильинична? — Голос у него был хриплым, сбитым. — Извините, что поздно. Вы сейчас не в офисе?

Я медленно выпрямилась.

— Нет. Что случилось?

— Сигнализация сработала. Я приехал с группой. Дверь целая, но внутри кто-то был.

Холод прошел по спине.

— Что украли?

— Вот в том-то и дело... На первый взгляд ничего. Но ваш кабинет открыт. Шкаф с делами семей погибших сотрудников вскрыт.

Я закрыла глаза.

Передо мной сразу вспыхнули папки. Серые, синие, белые. Заявления, отказы, копии заключений, жалобы, фотографии, письма вдов, матерей, детей. Чужая боль, разложенная по алфавиту.

— Какие дела трогали?

— Пока не понял. Но на полу папки. Много. Особенно из закрытого раздела по «Контуру».

Сердце ударило так сильно, что стало больно.

«Не открывай незнакомые письма».

«Не ищи Таисию».

«Ты не понимаешь, во что лезешь».

Я оперлась ладонью о стену.

— Сергей Николаевич, ничего не трогайте. Вызовите полицию. И Полине Сивцовой позвоните, я сейчас скину номер.

— А вам?

Я посмотрела на чемоданы в коридоре.

На чужую квартиру.

На телефон, где чернело сообщение с незнакомого номера.

— Я приеду.

И тут же поняла: соврала не только ему.

Арсену я тоже солгала, когда сказала, что просто ухожу.

Похоже, из его жизни выйти было проще, чем из того, что он так отчаянно от меня скрывал.

ГЛАВА 3. Женщина на закрытом адресе

В офис я поехала одна.

Это было глупо.

Я понимала это уже в лифте, пока спускалась с седьмого этажа Полининого дома, сжимая телефон и ключи так крепко, что металлический край больно впивался в ладонь. Понимала, когда вызывала такси. Понимала, когда водитель спросил:

— Вам точно туда? Район ночью пустой.

И все равно назвала адрес фонда.

Иногда осторожность требует сил, которых у тебя больше нет.

Я слишком устала быть женщиной, которой все говорят: не ходи, не смотри, не спрашивай, не лезь, не трогай, не открывай. Слишком долго жила в браке, где забота звучала как запрет.

Сегодня я подписала развод не для того, чтобы снова сидеть в чужой квартире и ждать, пока мужчины решат, сколько правды мне можно выдать.

Такси остановилось у старого делового центра без вывески. Наш фонд занимал половину третьего этажа: пять кабинетов, переговорная, архивная комната и маленькая кухня, где вечно пахло растворимым кофе и чужой тревогой.

Снаружи здание выглядело спокойно.

Два окна горели на первом этаже, у входа курил охранник торговой фирмы, где-то далеко визжали тормоза. Обычная вечерняя улица. Ничего страшного. Ничего такого, от чего следовало бы вспоминать сообщение с незнакомого номера.

«Не ходите туда, где вас ждут».

Я заставила себя выйти из машины.

Сергей Николаевич встретил меня у турникета. Невысокий, седой, с тяжелыми руками человека, который в прежней жизни умел задерживать пьяных дебоширов и не терял самообладания при виде крови. Сейчас самообладание у него было, но глаза бегали чаще обычного.

— Варвара Ильинична, я же говорил, лучше бы не приезжали.

— Полиция?

— Едет. Полина Алексеевна тоже. Сказала, если вы появитесь раньше нее, посадить вас в кресло и не давать трогать документы.

— Она оптимистка.

Он тяжело вздохнул.

— Я серьезно. Там странно.

— Странно — это как?

— Будто искали конкретное. Но не нашли. Или нашли, а мы пока не поняли.

Я прошла через турникет. Стеклопакеты разошлись передо мной с тихим щелчком, и этот обычный звук вдруг показался слишком громким.

Ночной офис всегда был другим.

Днем здесь говорили телефоны, стучали клавиши, в приемной сидели женщины с папками, мужчины с серыми лицами, матери погибших сотрудников, которым нечем было платить за экспертизы, вдовы, не верящие официальным заключениям. Днем наш фонд жил чужими историями и моей уверенностью, что бумага может стать оружием, если держать ее правильно.

Ночью здесь лежало чужое вторжение.

Дверь в приемную была открыта. Замок цел. Рамка сигнализации на месте. На первый взгляд — ничего. Стол администратора, диван для ожидания, кулер, стопка буклетов «Правовая помощь семьям сотрудников закрытых служб».

Только в коридоре горел свет.

И на полу у моего кабинета лежала синяя папка.

Я узнала ее сразу.

Дело семьи Мартыновых. Муж погиб на учениях два года назад. Официально — нарушение техники безопасности. По факту — неисправный страховочный трос, который кто-то очень быстро списал задним числом.

Я подняла папку.

— Не трогайте, — запоздало сказал Сергей Николаевич.

— Уже тронула.

Он поморщился, но спорить не стал.

В моем кабинете было перевернуто не все.

Это пугало сильнее.

Воры, которые хотят напугать, устраивают хаос: выдвигают ящики, бросают книги, срывают шторы, разбивают рамки. Здесь работали аккуратно. Компьютер стоял на месте. Ноутбук в шкафу не взяли. Деньги из маленькой кассы не тронули.

Зато архивный шкаф был открыт.

Тот самый, где я хранила дела с ограниченным доступом: обращения семей сотрудников «Контур», копии служебных отказов, медицинские заключения, черновики жалоб, личные письма.

Ключ от шкафа был только у меня и у Полины.

Замок не сломали. Его открыли.

Я присела перед рассыпанными папками.

На полу лежали фамилии. Чужие жизни. Официальные смерти. Неофициальные сомнения.

Мартынов. Северцев. Кальмин. Ружин. Кретов.

Я застыла.

Кретов.

Фамилия не была знакомой. Во всяком случае, я не помнила ее как активное дело. Но папка лежала не среди остальных. Она была наполовину задвинута под тумбу, будто ее вытащили, открыли, а потом небрежно отбросили.

Я потянулась к ней.

Сергей Николаевич шагнул ближе.

— Варвара Ильинична...

— Я только посмотрю.

— Полиция...

— Сергей Николаевич, если те, кто сюда вошел, открыли этот шкаф без взлома, полиция уже будет не первой проблемой.

Он замолчал.

Я раскрыла папку.

Внутри было тонко. Слишком тонко для дела фонда. Заявление на первичную консультацию, распечатка электронного обращения, две копии документов и лист с моими пометками, сделанными четыре месяца назад.

Я не помнила этого обращения.

Но почерк был мой.

«Перезвонить. Срочно. Контур. Вдова? Проверить через В.»

Я перечитала три раза.

Вдова.

Кретов.

Имя в заявлении: Таисия Павловна Кретова.

У меня похолодели пальцы.

Таисия.

Та самая Таисия, чье имя сегодня вспыхнуло на телефоне Арсена. Женщина из закрытой квартиры. Женщина, возле которой стоял мой муж и мальчик Лев спрашивал, когда он придет.

Я быстро просмотрела распечатку электронного обращения.

Текст был короткий, сухой, явно написанный человеком, который боялся оставлять лишние следы.

«Мой муж, Кретов Даниил Сергеевич, сотрудник технической группы, погиб при обстоятельствах, которые официально признаны несчастным случаем. До смерти он собирался передать сведения о поддельных закупках аварийного оборудования и возможной утечке маршрутов. Мне необходимо проконсультироваться с Варварой Ильиничной Градовой лично. Не через приемную. Не по общему телефону. Это касается управления „Контур“. Если со мной что-то случится, прошу связаться...»

Дальше строка была обрезана.

Не скопирована. Не стерта. Именно обрезана при печати.

Я перевернула лист.

На обороте стояла дата.

Четыре месяца назад.

Я должна была видеть это письмо. Должна была перезвонить. Должна была поднять дело.

Но не подняла.

Почему?

Я открыла ящик стола, где хранились старые журналы входящей корреспонденции. Нашла нужный месяц. Пролистала. Номера, фамилии, даты. Кретовой не было.

— Этого письма нет в журнале, — сказала я тихо.

— Может, не зарегистрировали? — спросил Сергей Николаевич.

— У нас не теряются такие письма.

— У всех теряются.

— Не такие.

Я снова посмотрела на свою пометку: «Перезвонить. Срочно».

Значит, я видела обращение. Или мне его показывали. Но дальше оно исчезло из системы.

В голове начал складываться неприятный ряд.

Таисия обращалась ко мне.

Письмо не зарегистрировали.

Теперь ее дело ищут ночью в моем шкафу.

Арсен запрещает мне приближаться к ней.

И кто-то присылает сообщение: не ходите туда, где вас ждут.

Я достала телефон.

От Арсена — пять пропущенных.

Еще два сообщения.

«Где ты?»

«Варвара, не делай глупостей».

Я смотрела на экран и чувствовала, как злость поднимается снова. Чистая, холодная. Он знал. Он знал, что имя Таисии связано не только с его тайной квартирой, но и с моим фондом. И все равно не сказал.

Дверь в офис распахнулась.

— Я просила сидеть у меня дома, — сказала Полина с порога.

Она вошла быстро, без пальто, с сумкой на плече и выражением лица, при котором разумные люди начинали отвечать сразу и честно. За ней шли двое полицейских.

— Я тоже рада тебя видеть, — сказала я.

— Не начинай. Что трогала?

— Почти все важное.

— Прекрасно. За что мне такая подруга?

Она подошла ближе, увидела папку в моих руках и перестала ругаться.

— Что это?

Я молча протянула ей лист.

Полина прочитала. Еще раз. Потом подняла на меня глаза.

— Таисия?

— Да.

— Та самая?

— Похоже.

Она посмотрела в сторону полицейских, которые разговаривали с Сергеем Николаевичем у входа.

— Убери это.

— Что?

— Убери в сумку. Сейчас.

— Поля...

— Варя, если сюда вошли за этой папкой, а полиция приедет и оформит ее как вещдок, завтра мы можем ее больше не увидеть.

Я не стала спорить.

Сунула листы в сумку под пальто. Оставила в папке только копии без имени Таисии и пустой конверт.

Полина выдохнула.

— Теперь рассказывай быстро. Что за Кретова?

Я рассказала.

Не все. Не про то, как Арсен смотрел на мальчика. Не про то, как он подписывал развод. Не про то, что имя Таисии на экране телефона разрезало меня ровнее ножа.

Только факты.

Закрытый адрес. Женщина. Ребенок. Сообщение. Запрет Арсена. Взлом шкафа. Письмо.

Полина слушала молча, и от этого мне становилось хуже. Когда она молчала, значит, ругаться было уже поздно.

— Ты понимаешь, что это может быть не измена? — наконец сказала она.

Я усмехнулась.

— Спасибо, стало легче.

— Я не для утешения. Если это не измена, значит, ты влезла во что-то хуже семейной грязи.

— Я не влезала. Ко мне пришли.

— Вот именно.

Полицейский в форме подошел к нам.

— Кто руководитель?

— Я, — сказала я.

— Нужно будет дать объяснения. Что пропало?

Я посмотрела на раскрытый шкаф.

— Пока не знаю.

— Денежные средства? Техника?

— Нет.

Он записал.

— Значит, возможно, проникновение без цели хищения.

Полина рядом тихо сказала:

— Или с целью хищения информации.

Полицейский поднял глаза.

— Это мы установим.

Я уже знала, как это будет. Протокол. Осмотр. Фразы «признаков взлома не обнаружено». «Проводится проверка». «О результатах сообщим». Слишком много семей приходили ко мне после таких ответов, чтобы я верила в бумажную уверенность.

Телефон снова зазвонил.

Арсен.

Полина посмотрела на экран.

— Возьми.

— Нет.

— Возьми и включи громкую.

Я не хотела слышать его голос. Особенно сейчас, когда в сумке лежала папка Таисии, а в груди опять появилась надежда на объяснение. Надежда была опаснее боли. Боль хотя бы честная.

Я приняла вызов.

— Да.

— Где ты? — спросил Арсен.

Голос у него был низкий и слишком спокойный. Значит, он уже знал, что я не у Полины.

— В фонде.

Пауза была короткой, но достаточной.

— Кто с тобой?

— Полина. Охрана. Полиция.

— Уезжай оттуда.

— Вы даже не спросили, что случилось.

— Я знаю, что случилось.

Полина медленно подняла брови.

Я сжала телефон.

— Как удобно.

— Варвара, сейчас не время для упрямства.

— А для чего время? Для очередного приказа?

— Для того, чтобы ты вышла из здания и села в машину, которую я пришлю.

— Нет.

— Ты нашла папку?

Я перестала дышать.

Полина выпрямилась.

— Какую папку? — спросила я.

Арсен молчал.

И этим все сказал.

— Вы знали, — произнесла я. — Знали, что она обращалась ко мне.

— Не по телефону.

— Знали и не сказали.

— Не по телефону, Варвара.

— Вы вообще собираетесь хоть когда-нибудь говорить не тогда, когда уже поздно?

На том конце что-то глухо щелкнуло. Может, дверь. Может, он вышел из кабинета.

— Слушай меня внимательно, — сказал Арсен. — Если ты нашла документы Кретовой, не отдавай их никому. Ни полиции, ни своим сотрудникам. Никому. И не едь на Кедровую.

Полина закрыла глаза и беззвучно выругалась.

Я спросила:

— Почему?

— Потому что тебя там могут ждать.

Сообщение.

«Не ходите туда, где вас ждут».

Ладонь вспотела.

— Кто?

— Я приеду и объясню.

— Нет.

— Варвара...

— Вы уже приезжали. Не объяснили. Подписали развод, отдали приказы и уехали. Сейчас моя очередь выбирать, кому верить.

— Не делай этого из злости на меня.

Вот тут он ошибся.

Если бы я ехала из злости, все было бы проще. Но под злостью теперь двигалось другое.

Таисия писала мне четыре месяца назад.

Ее муж погиб.

Ее письмо исчезло.

Мой офис вскрыли.

Лев спрашивал Арсена, когда он придет.

И чем больше Арсен запрещал, тем яснее я понимала: в этой истории я уже не сторонний человек.

— Я перезвоню, — сказала я.

— Варвара, не смей...

Я сбросила.

Полина посмотрела на меня так, будто уже знала, что я сейчас скажу.

— Даже не думай.

— Мне нужно увидеть ее.

— Нет.

— Поля, она обращалась ко мне. Ее письмо исчезло. Кто-то пришел за ее делом сегодня, в ночь после моего развода.

— Именно поэтому ты не поедешь к ней.

— Я не собираюсь устраивать сцену.

— А что? Вежливо спросишь у возможной любовницы бывшего мужа, почему ее мертвый муж писал тебе о коррупции внутри закрытой службы?

Я помолчала.

— Примерно.

— Варя.

— Мне нужно понять, она врала или он.

— Может, оба. Может, никто. Может, ты просто сунула голову в мясорубку, а я сейчас должна объяснить тебе, что голова у нас одна.

Я посмотрела на нее.

— Если бы к тебе четыре месяца назад обратилась женщина, а потом ее письмо исчезло, ты бы сидела дома?

Полина отвела взгляд первой.

— Ненавижу, когда ты используешь мои же принципы против меня.

— Значит, поедешь со мной?

— Нет. Я останусь здесь и прослежу, чтобы полиция не потеряла половину твоего архива.

А ты...

Она замолчала.

— Что?

— А ты хотя бы не едь на своей машине. И не звони ей заранее. И держи геолокацию включенной.

Я почти улыбнулась.

— Это благословение?

— Это фиксация моей беспомощности перед твоим упрямством.

Она взяла мой телефон, включила передачу геопозиции, отправила себе ссылку, потом достала из сумки маленький перцовый баллончик.

— Возьми.

— Поля.

— Не спорь. Я адвокат, а не твоя мать, но сейчас очень близка к тому, чтобы начать орать. Я взяла баллончик.

— Если что-то пойдет не так, — сказала она, — ты не геройствуешь. Выходишь. Звонишь мне. И да, если появится Градов, не начинай с ним выяснять брак на лестнице. Убьют не из-за развода.

— Умеешь поддержать.

— Я умею читать дела погибших.

Через сорок минут я уже стояла на другой стороне улицы Кедровой.

Дождь начался внезапно. Мелкий, колючий, почти невидимый в свете фонарей. Он ложился на волосы, на воротник пальто, на ресницы, а я смотрела на дом напротив и пыталась убедить себя, что еще могу развернуться.

Дом был обычный.

Двенадцать этажей, закрытый двор, продуктовый магазин на первом этаже, аптека, темные окна, несколько машин у подъезда. Никакой романтической тайны. Никакого дорогого любовного гнезда. Просто место, где люди возвращаются с работы, выносят мусор, ругаются из-за парковки и покупают хлеб.

Но на уровне пятого этажа горело окно.

То самое.

Неделю назад я видела, как Арсен выходил из этого подъезда с Таисией и Львом. Тогда двор казался мне декорацией предательства. Сейчас — ловушкой.

Я проверила телефон.

От Полины: «Ты на месте. Вижу. Десять минут на разведку. Потом звонишь».

От Арсена — ничего.

Это пугало сильнее всего.

Он либо решил не давить, либо уже ехал сюда.

Я перешла улицу.

Код на домофоне я знала. Не потому, что выслеживала. Потому что в тот день, когда увидела Арсена, из подъезда вышла женщина с собакой, и я машинально запомнила цифры. Юридическая профессия портит человека: замечаешь лишнее даже тогда, когда сердце разваливается.

Дверь щелкнула.

В подъезде пахло мокрой одеждой, детским велосипедом и хлоркой. Лифт был старый, с зеркалом, покрытым мелкими царапинами. Я поднялась на пятый этаж и вышла в узкий коридор.

Квартира 57.

Дверь темная, новая. Хороший замок. Камера над звонком. Рядом коврик без надписи.

Я подняла руку.

И опустила.

Что я скажу?

Здравствуйте, я Варвара, жена мужчины, который приходит к вам по вечерам. Правда, с сегодняшнего дня почти бывшая. Ваше письмо нашли в моем фонде после взлома. Ваш ребенок спрашивает моего мужа, когда он придет. Не объясните, в каком месте моей жизни я перестала понимать жанр?

Я тихо выдохнула и нажала звонок.

За дверью ничего не происходило.

Я уже решила, что никто не откроет, когда послышался шорох. Потом осторожные шаги. Замерли.

— Кто? — спросил женский голос.

Не вызывающий. Не томный. Испуганный.

— Варвара Градова.

Тишина стала плотной.

Потом голос изменился:

— Уходите.

Одно слово.

Не «зачем вы пришли». Не «он не здесь». Не «вы все не так поняли».

Уходите.

— Таисия Павловна, мне нужно поговорить.

— Нет.

— Ваше письмо было в моем фонде. Его пытались найти сегодня ночью.

За дверью снова тишина.

Я услышала детский кашель.

Короткий. Сухой.

Потом шелкнул один замок. Второй. Цепочка осталась на месте. Дверь приоткрылась на ладонь.

Я увидела лицо женщины.

Таисия была моложе, чем показалась мне из машины. Или не моложе — просто измотаннее. Светлые волосы собраны в небрежный пучок, под глазами тени, губы без цвета. На ней был домашний свитер с растянутым воротом, не шелковый халат любовницы и не образ женщины, которая принимает чужого мужа.

На запястье темнел синяк.

Не старый.

Свежий.

Она посмотрела на меня так, будто я принесла ей не ревность, а приговор.

— Вы не должны были приходиться.

Я хотела ответить резко, но слова застряли.

Потому что за ее спиной я увидела квартиру.

И она не была второй жизнью Арсена.

Она была убежищем.

Задернутые плотные шторы. Стул, подпертый под ручку балконной двери. Рядом с тумбой — упаковки воды. На полу детский рюкзак с оторванной лямкой. У стены собранный тревожный чемодан: куртка, документы в прозрачной папке, аптечка. На кухонном столе, видимом из прихожей, лежал телефон с разбитым экраном и какая-то маленькая черная кнопка на проводе.

Не любовное гнездо.

Бункер.

— Мне нужно понять, что происходит, — сказала я.

Таисия почти усмехнулась. Без радости.

— Спросите у вашего мужа.

— Я пыталась.

— Значит, плохо пытались. Генерал Градов обычно говорит так, что люди перестают спрашивать.

— Со мной это перестало работать.

Ее взгляд дрогнул. Не сочувствие. Скорее удивление.

Из глубины квартиры послышался детский голос:

— Мам?

Таисия резко обернулась.

— Лев, я сказала, сиди в комнате.

Мальчик появился в коридоре босиком, в темной футболке с динозавром. Худой, большеглазый, с взлохмаченными волосами. Он держал в руках маленькую пластиковую машинку, но сжимал ее не как игрушку, а как талисман.

Увидел меня и сразу спрятался за косяк.

— Мам, это плохая тетя?

Вопрос был задан шепотом, но попал прямо в грудь.

Таисия побледнела сильнее.

— Нет. Иди в комнату.

— Она от того дяди?

— Лев.

— От дяди Арсена?

Я не двинулась.

Дядя Арсен.

Не папа. Не наш Арсен. Не то, что я сама уже успела себе придумать в самые темные минуты.

Просто дядя.

Таисия закрыла глаза на секунду.

— Пожалуйста, — сказала она мне. — Уходите.

— Ваш муж писал мне четыре месяца назад.

Она резко открыла глаза.

— Даниил?

— Да. Письмо не зарегистрировали. Сегодня ночью мой архив вскрыли.

Страх на ее лице стал другим. До этого она боялась меня. Теперь — того, что я сказала.

— Вы принесли его с собой?

— Нет.

— Кто еще знает?

Я не ответила сразу.

Она поняла.

— Градов?

— Да.

Таисия тихо выдохнула и открыла дверь шире, сняв цепочку.

— Быстро. На пять минут. Потом уходите.

Я вошла.

Квартира пахла лекарствами, влажной тканью и детской кашей. Не духами. Не мужским парфюмом. Ничем, что могло бы принадлежать Арсену, кроме тяжелого ощущения контроля: камера в прихожей, второй замок на двери, маленький монитор на полке с изображением площадки.

Таисия закрыла за мной дверь и сразу проверила глазок.

— Телефон выключите.

— Почему?

— Потому что если вы пришли с включенным телефоном, вы могли привести их сюда.

— Кого?

Она посмотрела на меня почти зло.

— Тех, кто убил моего мужа.

Лев все еще стоял у дверного проема.

Я присела, чтобы не смотреть на него сверху.

— Привет.

Он не ответил.

Только сильнее сжал машинку.

— Я Варвара.

— Я знаю, — сказал он.

У меня пересохло во рту.

— Откуда?

Он посмотрел на мать.

Таисия тихо сказала:

— Даниил показывал вашу фотографию. Перед смертью.

Слово «смерть» она произнесла ровно, но ребенок дернулся.

Я выпрямилась.

— Зачем?

— Потому что собирался к вам. Он говорил, что если кто-то еще может поднять документы так, чтобы их не похоронили внутри управления, то это вы.

Мне стало холодно.

Внутри, под ребрами, поднялась тяжелая волна вины. Чужой мужчина верил, что я смогу помочь. Его письмо дошло до моего кабинета. Я даже сделала пометку.

А потом забыла.

Или меня заставили забыть.

— Я не получила дело, — сказала я.

— Получили, — возразила Таисия. — Мне пришло подтверждение с вашего рабочего адреса.

— Я не отправляла.

— Значит, отправил кто-то другой.

Она прошла на кухню, жестом показала мне сесть. Сама осталась стоять. Лев подошел к ней и прижался к боку. Она машинально положила руку ему на голову.

Я заметила, что пальцы у нее дрожат.

— Даниил работал в технической группе «Контур», — начала она тихо. — Не в руководстве. Не в операциях. Оборудование, маршруты, списание, приемка. Он нашел несостыковки в закупках аварийных комплектов. Сначала думал, обычное воровство.

— А оказалось?

Она посмотрела на Льва.

— Лев, в комнату.

— Мам...

— Сейчас.

Мальчик не хотел уходить. Но ушел. Дверь приоткрытой оставил.

Таисия дождалась, пока его шаги стихнут.

— Оказалось, что кто-то не просто списывал деньги. Кто-то ставил бракованное оборудование на реальные выезды. Люди могли погибнуть. Некоторые, возможно, уже погибли. Даниил поднял старые акты, начал сравнивать маршруты. А потом понял, что утечки идут изнутри. Кто-то заранее знал, куда отправят группы и какое оборудование окажется на руках.

Я вспомнила папку Мартыновых. Страховочный трос. Списали задним числом.

— Он обратился к Арсену? — спросила я.

Таисия покачала головой.

— Не успел. Он боялся, что до генерала не дойдет. Или дойдет через тех, кто замешан. Сказал, что сначала передаст копии вам.

— Почему мне?

— Потому что вы не из системы. Но знаете, как с ней работать. Он читал ваши жалобы по делу Северцева.

Северцев.

Я помнила. Мать погибшего водителя, три отказа, закрытая экспертиза, полгода переписки. Мы тогда добились пересмотра компенсации и признания служебной халатности.

Значит, Кретов не просто случайно выбрал фонд.

Он выбрал меня.

А я его не спасла.

— Что случилось с вашим мужем? — спросила я.

Таисия села напротив.

Села так, будто ноги перестали держать.

— Официально — авария. Машина ушла с трассы ночью. Даниил был один. Но за час до этого он звонил мне и сказал, что за ним едут. Я слышала, как он ругался с кем-то. Потом связь оборвалась.

— С кем?

Она посмотрела на дверь детской.

— Лев слышал голос.

— Лев?

— Даниил включил громкую связь, когда пытался завести машину. Лев был рядом со мной. Он не видел человека, но слышал. Запомнил фразу.

— Какую?

Таисия побледнела.

— «Технические ошибки надо списывать вместе с теми, кто их нашел».

Я почувствовала, как по коже пошел холод.

Фраза была не случайной. Не бытовой. Так говорят люди, которые привыкли превращать смерть в пункт отчета.

— И Арсен спрятал вас?

— Да.

— Когда?

— Через два дня после похорон. До этого ко мне приходили. Вежливые люди. Сказали, что если я хочу, чтобы сын вырос, мне лучше не искать виноватых в трагическом несчастном случае.

Она говорила ровно. Слишком ровно.

Я знала этот тон. Так говорят женщины, которые уже плакали столько, что слезы стали роскошью.

— Арсен знает, чей голос слышал Лев?

— Нет. Лев не может назвать имя. Только голос. Иногда реагирует на похожие. Иногда закрывается. Генерал пытался показать ему записи, но...

Она замолчала.

— Но?

— Мой сын не вешдок, Варвара Ильинична.

Я вздрогнула.

Фраза была точной. И слишком похожей на то, что я сама хотела сказать Арсену весь этот день.

— Я не считаю его вещдоком.

— А они считают. Все. Даже хорошие. Даже ваш муж.

— Бывший.

Она посмотрела на мою руку. Без кольца.

Поняла.

— Простите.

— Не за что.

— Из-за меня?

Вот теперь в ее голосе появилось что-то, почти похожее на стыд.

Я могла бы соврать. Могла бы сказать: нет, конечно, наш брак давно шел к этому. И это было бы правдой. Частично.

Но сегодня я устала от частичной правды.

— Вы стали последней каплей, — сказала я. — Не причиной.

Таисия опустила глаза.

— Между мной и Арсеном Викторовичем ничего нет.

Арсен Викторович.

Не Арсен.

Мне стало стыдно за все картины, которые я успела нарисовать себе за неделю. И одновременно боль не ушла. Просто сменила форму.

— Он мог мне сказать, — произнесла я.

— Возможно, не мог.

— Хотя бы сказать, что не изменял.

Таисия молчала.

— Даже этого не сделал, — сказала я уже тише.

Она посмотрела на меня с такой усталой жалостью, что я почти пожалела, что пришла.

— Генерал Градов умеет защищать людей так, что им потом нечем дышать.

Я усмехнулась. Коротко. Больно.

— Вы хорошо его поняли.

— Мне хватило месяца.

— А мне семи лет.

За окном мелькнул свет фар.

Таисия резко повернулась.

Не как человек, который ждет гостя.

Как человек, который каждую секунду ждет удара.

Она вскочила, подбежала к монитору у двери. На черно-белом экране была лестничная площадка. Пустая. Потом камера моргнула. Изображение дернулось, поплыло и погасло.

Таисия побелела.

— Нет.

— Что?

— Камера.

Она бросилась к кухонному ящику, достала телефон, но руки так дрожали, что она не сразу попала пальцем по экрану.

Лев выбежал из комнаты.

— Мам?

— Одевайся.

— Мы опять едем?

— Быстро.

Я встала.

— Таисия, что происходит?

Она посмотрела на меня так, будто только сейчас вспомнила, что я здесь.

— Вы не должны были приходить.

— Кто-то идет?

— Не знаю. Может, сбой. Может...

В дверь позвонили.

Один раз.

Коротко.

Все трое замерли.

Лев вжался в стену. Таисия закрыла его собой.

Я машинально сжала в кармане баллончик Полины.

Снова звонок.

Потом низкий мужской голос за дверью:

— Таисия Павловна. Откройте.

Я не узнала голос.

Таисия — узнала или испугалась самого факта. Она отступила на шаг.

— Кто это? — прошептала я.

Она только покачала головой.

— Откройте, — повторил голос. — Нам нужно поговорить. Вы же не хотите пугать мальчика.

Лев тихо всхлипнул.

Во мне что-то изменилось.

До этой секунды я еще могла считать себя женщиной, которая пришла за личной правдой. Бывшая жена, обманутая, злая, униженная. Все это еще было со мной.

Но ребенок у стены, бледная женщина с синяком, погасшая камера и голос за дверью стерли личное так быстро, что стало почти стыдно.

Я подошла к Таисии и тихо сказала:

— Есть второй выход?

— Балкон на пожарную лестницу. Но он заблокирован снаружи.

— Окна?

— Пятый этаж.

— Тревожная кнопка?

Она посмотрела на маленькое устройство у стола.

— Выведена на группу Градова.

— Нажимайте.

— Если это не они...

— Нажимайте.

Она нажала.

За дверью ударили.

Не сильно. Проверочно.

— Таисия Павловна, не усложняйте.

Я быстро достала телефон и набрала Полину. Вызов не пошел. Нет сети.

Странно.

Минуту назад была.

Таисия тоже посмотрела на свой экран.

— Глушат.

Холод окончательно разошелся по телу.

Я подошла к двери на цыпочках и заглянула в глазок.

Площадка была темной.

Слишком темной.

Лампочка у лифта не горела. Камера погасла. У двери стоял мужчина в черной куртке и кепке, лицо скрыто козырьком. За ним угадывалась еще одна фигура.

Я отступила.

— Двое.

Таисия прижала Льва к себе.

— Они нашли.

— Кто?

— Не знаю. Те, кто приходил после похорон. Или другие. Они меняют лица.

Я оглядела кухню, коридор, окна. Мозг работал странно ясно. Слишком много лет я читала материалы дел и представляла, что мог сделать человек за последние минуты жизни. Теперь впервые думала не о документах, а о себе.

И о ребенке.

— Ванная где?

— Там.

— Идите туда. Закройтесь. Включите воду.

— Зачем?

— Чтобы они не слышали, где вы.

— А вы?

Я посмотрела на дверь.

— Я открою.

— Вы с ума сошли?

— Нет. Если они думают, что здесь только вы с ребенком, моя задача — сделать так, чтобы перестали быть уверенны.

— Они вас тоже...

— Таисия, в ванную.

Лев заплакал беззвучно. Только рот дрожал.

Я присела перед ним.

— Слушай меня. Сейчас ты берешь маму за руку и идешь с ней. Очень тихо. Как разведчик.

Он смотрел огромными глазами.

— Дядя Арсен придет?

Имя ударило неожиданно.

Я не знала.

Не хотела ждать.

И все равно сказала:

— Придет.

Потому что сама почему-то была в этом уверена.

Таисия увела сына. Дверь ванной закрылась. Вода зашумела почти сразу.

В дверь ударили сильнее.

— Открывайте!

Я встала в прихожей, поправила пальто, достала баллончик и спрятала в ладони.

Потом сняла цепочку.

Замок повернулся с тихим, невозможным щелчком.

Я открыла дверь ровно настолько, чтобы видеть мужчину снаружи.

Он явно не ожидал меня.

Это было видно по глазам. На долю секунды там мелькнуло удивление.

— Добрый вечер, — сказала я.

Мужчина быстро собрался.

— Вы кто?

— А вы?
Он посмотрел за мое плечо.
— Нам нужна хозяйка.
— Хозяйки нет.
— Машина ее во дворе.
— Значит, плохо ищите.
Второй мужчина шагнул ближе.
— Отойдите от двери.
— Представьтесь.
Первый усмехнулся.
— Женщина, не лезьте.
Я почти рассмеялась.
Сегодня это был главный мужской совет в моей жизни.
Не лезьте.
Не ходите.
Не спрашивайте.
Не смотрите.
— Поздно, — сказала я.
Он схватился за дверь, пытаясь распахнуть шире.
Я ударила баллончиком прямо в лицо.
Он заорал.
Резко, грязно, с матом, отшатнулся, врезался плечом в стену. Второй рванул вперед, но я успела захлопнуть дверь и повернуть замок.
Удар с той стороны пришел сразу.
Дерево вздрогнуло.
Я отступила, почти упала, но удержалась за стену.
— Таисия! — крикнула я. — К окну! Смотри пожарную лестницу!
С той стороны двери послышались голоса. Один кашлял, ругался, второй кому-то звонил.
Телефон у меня в руке вдруг ожил.
Одна полоска сети.
Я нажала последний набранный.
Не Полина.
Арсен.
Вызов соединился почти мгновенно.
— Варвара? — Его голос был уже не спокойным.
— Кедровая, пятый этаж, квартира пятьдесят семь, двое у двери, связь глушат, камера погасла.
Я говорила быстро, сухо, как в протоколе. И сама удивлялась себе.
В трубке на долю секунды стало тихо.
Потом он сказал:
— Где ты в квартире?
— У входа.
— Отойди от двери. Сейчас.
— Там Таисия и Лев.
— Я знаю. Отойди от двери, Варвара.
Удар.
Еще один.
Замок хрустнул.
Я попятилась.

— Сколько времени?

— Три минуты.

Три минуты.

Иногда жизнь сужается до цифры, которой невозможно поверить.

— У меня нет трех минут.

Его голос изменился.

— Варя.

Я замерла.

Не от страха. От того, как он это сказал.

Без приказа.

— Слушай меня, — произнес Арсен. — Справа от входа должен быть узкий шкаф. За ним техническая ниша. Там щиток. Выруби свет в квартире.

Я повернулась.

Шкаф был.

— Зачем?

— Они не знают план. Ты знаешь теперь больше. Действуй.

Не «прячься».

Не «отойди».

Не «я решу».

Действуй.

Я бросилась к шкафу, дернула его на себя. Он оказался тяжелым, но сдвинулся. За ним действительно была маленькая дверца. Пальцы скользили, но я открыла щиток и опустила все автоматы вниз.

Квартира погрузилась в темноту.

Только из ванной пробивалась тонкая полоска света — потом и она погасла.

Лев вскрикнул.

— Тихо! — крикнула Таисия.

Дверь снова дернулась. Замок держался плохо.

— Дальше? — прошептала я в телефон.

— На кухню. Под столом тревожная кнопка?

— Нажали.

— Хорошо. Не подходи к окнам. Если войдут — в коридор не беги. Уходи в детскую, там второй замок.

— Ты откуда знаешь квартиру?

Пауза.

— Я ее выбирал.

Сердце дернулось.

Конечно.

Он выбирал.

Он ставил замки. Камеры. Тревожную кнопку. Воду. Чемодан. Все то, что я приняла за детали чужой второй жизни.

Дверь треснула.

— Арсен...

— Я уже в доме.

Где-то снизу глухо хлопнула дверь подъезда.

Мужчины за дверью тоже услышали. Голоса изменились. Один сказал:

— Уходим.

Второй выругался:

— Сначала забрать.

Забрать.

Кого?

Льва?

Документы?

Таисию?

Меня?

Я не успела додумать.

Замок вылетел.

Дверь распахнулась внутрь, ударилась о стену. В коридор ворвался силуэт.

Темнота помогла мне.

Я стояла сбоку, у кухни. Мужчина двинулся прямо, к ванной, на звук воды. Я схватила первое, что попало под руку, — тяжелую стеклянную бутылку с водой — и ударила его по плечу.

Не по голове. Не как в кино. Сил не хватило.

Но он дернулся, развернулся ко мне, и этого хватило.

С площадки ударил другой голос:

— Лежать!

Не громкий.

Не сорванный.

Такой, что тело само понимало приказ раньше мозга.

Арсен.

Дальше все произошло быстро.

Тень в дверном проеме. Короткий удар. Мужчина рядом со мной упал на колени. Второй попытался уйти к лестнице, но его встретили в коридоре. Я слышала тяжелое дыхание, мат, глухой звук тела о стену, металлический щелчок наручников.

Потом в квартире вспыхнул фонарь.

Я зажмурилась.

— Варвара.

Арсен оказался передо мной.

Не в форме. В темной куртке, волосы мокрые от дождя, лицо жесткое. Он быстро осмотрел меня взглядом: лицо, руки, пальто, ноги.

— Ты ранена?

— Нет.

— Посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Ранена?

— Нет.

Он выдохнул.

И только тогда я увидела, что он держит себя на пределе. Не злится. Не просто злится. Его буквально трясет от сдержанного ужаса, но снаружи это выразалось только в слишком ровном голосе и белых костяшках пальцев.

Из ванной вышла Таисия, прижимая к себе Льва.

Мальчик увидел Арсена и сорвался к нему.

— Дядя Арсен!

Арсен присел, перехватил его, крепко, но осторожно. На одну секунду уткнулся подбородком ему в макушку.

Я отвела взгляд.

Потому что это было не предательство.

Это было хуже для моей злости.

Это было правдой, которую мне не дали узнать.

Таисия стояла у стены, дрожа.

— Они нашли нас, — сказала она.

— Уже нет, — ответил Арсен.

— Нет, — возразила я тихо.

Он повернулся ко мне.

— Что?

Я посмотрела на выбитый замок. На мужчин в коридоре. На погасшую камеру. На ребенка, который цеплялся за шею моего бывшего мужа.

— Они не нашли вас. Их кто-то привел.

Арсен молчал.

Его взгляд стал тяжелым.

— Кто знал адрес? — спросила я.

Таисия посмотрела на него.

Арсен медленно поднялся, передал Льва матери и сделал шаг ко мне.

— Варвара.

Вот он снова. Этот тон. Сейчас он скажет, что разговор не здесь. Что мне нужно уйти. Что я не понимаю. Что он все объяснит потом.

Но я больше не жила в его потом.

— Не надо, — сказала я. — Только не приказывайте мне молчать.

Он остановился близко.

Слишком близко для бывшего мужа. Слишком далеко для мужчины, которого я когда-то любила без защиты.

— Я не собирался.

— Тогда отвечайте. Кто знал адрес?

Арсен смотрел на меня долго.

Потом спросил:

— Кто вел тебя до этого дома?

Я не сразу поняла.

— Что?

— Ты приехала не на своей машине. Телефон был включен. После фонда ты поехала прямо сюда. Кто знал маршрут?

Внутри стало пусто.

Полина.

Такси.

Сергей Николаевич.

Полиция.

Арсен.

И еще сообщение с незнакомого номера.

«Не ходите туда, где вас ждут».

Я медленно достала телефон и показала ему экран.

Он прочитал. Лицо не изменилось, но я увидела, как его взгляд стал холоднее.

— Когда пришло?

— Перед звонком из фонда.

— Почему не сказала?

Я почти рассмеялась.

— Правда? Вы сейчас спрашиваете меня, почему я что-то скрыла?

Он принял удар молча.

За его спиной один из людей, приехавших с ним, поднял задержанного с пола. Тот кашлял после баллончика, лицо красное, глаза слезились.

Арсен не обернулся.

— Ты понимаешь, что теперь они знают о тебе?

— Кто они?

— Те, кто не должен был узнать, что у Таисии был контакт с твоим фондом.

— Они уже знали. Поэтому пришли в мой офис.

— И поэтому ты решила привести себя к ним сама?

— Я решила получить правду, которую мой муж спрятал от меня вместе с любовницей, которой не было.

Он замер.

Таисия тихо сказала:

— Варвара Ильинична...

Я подняла ладонь, не глядя на нее.

Не сейчас.

Арсен смотрел на меня так, будто я ударила точнее, чем те двое снаружи.

— Между мной и Таисией ничего не было, — сказал он.

Семь дней назад я бы отдала за эту фразу многое.

Сегодня она пришла поздно и не той дверью.

— Знаю, — ответила я. — Мне пришлось приехать сюда, чтобы это узнать.

Он закрыл глаза на долю секунды.

Когда открыл, генерал уже почти вернулся.

— Мы уходим. Сейчас.

— Куда?

— В безопасное место.

— Нет.

Он посмотрел на выбитый замок.

— Варвара, квартира раскрыта. Адрес сгорел. Ты была внутри при нападении. Твой офис вскрыт. Тебя пытались подставить или использовать. Это не просьба.

— А я не вещь в вашем сейфе, Арсен.

Фраза вырвалась сама.

Точно.

Окончательно.

В квартире стало тихо.

Даже Лев перестал всхлипывать.

Я сделала шаг к нему.

— Меня нельзя спрятать и назвать это заботой.

Арсен молчал.

Впервые за все время он не нашел приказа.

И почему-то именно это испугало меня сильнее, чем выбитая дверь.

Потому что за его молчанием стояла не пустота.

Там была вина.

Настоящая.

Таисия прижала Льва крепче.

В коридоре кто-то сказал:

— Арсен Викторович, нужно уходить. До приезда официальной группы пять минут.

Арсен не отрывал взгляда от меня.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Не спрячу.

Я не поверила.

Пока не могла.

— Тогда что?

— Поедешь со мной. Не как объект. Как человек, которому я должен правду.

Я усмехнулась.

— Должны были семь лет.

— Знаю.

Одно слово.

Без оправдания.

И от этого внутри снова что-то опасно дрогнуло.

Я отвернулась первой.

— У меня условие.

— Говори.

— Таисия и Лев едут отдельно. С Полиной на связи. И я не подписываю никаких бумаг, пока не прочитаю.

На лице Арсена мелькнуло нечто почти неуместное.

Уважение.

— Принято.

— И вы отвечаете на мои вопросы.

— На те, на которые смогу.

— Нет. На те, на которые должны.

Он посмотрел на меня долго.

— Принято, — повторил он.

Снаружи завывали сирены.

Запоздалые, официальные, громкие.

Я стояла посреди чужой разрушенной прихожей, среди осколков замка, мокрых следов, страха и правды, которая только начинала показывать зубы.

Еще утром я думала, что уйду от мужа из-за другой женщины.

Теперь эта женщина стояла рядом с ребенком, которого надо было спасать.

А мой бывший муж смотрел на меня так, будто впервые понял: я больше не буду идти за ним вслепую.

Даже если впереди темно.

Даже если опасно.

Даже если он единственный, кто знает дорогу.

ГЛАВА 4. Развод не спас

Из квартиры Таисии нас выводили не как людей, а как проблему.

Быстро. Молча. Без лишних вопросов.

На лестничной площадке пахло перцовым баллончиком, мокрой одеждой и чужим страхом. Один из мужчин, ворвавшихся в квартиру, сидел у стены, согнувшись, со связанными за спиной руками. Второго уже увели вниз. Лампочка над лифтом снова загорелась, но от этого подъезд не стал обычным. Свет дрожал на серых стенах, выхватывал следы обуви, царапину у замка, обломок черной пластиковой камеры у двери.

Я смотрела на все это и никак не могла совместить с тем, что час назад ехала сюда как обманутая жена.

Квартира, женщина, ребенок, возможная измена.

Простой, почти бытовой ад.

Теперь ад вырос. У него появились люди в черных куртках, глушилки, выведенные из строя камеры и мой офис, вскрытый ночью ради папки с фамилией Кретова.

Арсен шел рядом.

Не трогал меня.

Это было заметно именно потому, что каждый его жест говорил: хочет. Хочет взять за локоть, поставить за спину, ускорить, приказать, закрыть собой. Он шел на расстоянии половины шага, слишком близко для чужого мужчины и слишком далеко для того, кто семь лет имел право касаться меня без вопроса.

Бывший муж.

Слово еще не укладывалось в голове. Суд впереди. Документы только подписаны. Кольцо лежит в бардачке моей машины.

Но внутри я уже отрезала.

Плохо, криво, с живыми краями, но отрезала.

Таисию с Львом вывели первыми. Мальчик держался за рукав матери, но все время обращивался на Арсена. В его взгляде было то, что я когда-то сама чувствовала рядом с ним: если Арсен Градов рядом, страшное должно отступить.

Я тоже раньше так думала.

Потом поняла: иногда страшное не отступает. Иногда оно просто приходит в твою жизнь вместе с человеком, которого ты любишь.

— Машина во дворе, — сказал один из людей Арсена. Кажется, его звали Назаров. Широкий, темноволосый, с лицом без выражения и внимательными руками. — Периметр чистый, но стоять нельзя.

Арсен коротко кивнул.

— Кретовых во вторую. Маршрут «Б». Связь только закрытая.

Таисия побледнела.

— Куда нас?

— В другое место, — ответил Арсен.

— Опять?

— Да.

Лев сжал ее руку.

— Мам, я не хочу в другое.

В голосе не было каприза. Только усталость ребенка, которого слишком долго учат бояться дверных звонков.

Арсен присел перед ним.

— Лев.

Мальчик посмотрел на него.

— Помнишь правило?

— Если быстро, то не спрашивать.

— Верно.

— А машинку можно?

— Можно.

Лев кивнул, будто получил серьезное оперативное разрешение.

Я отвернулась.

Нельзя было злиться на ребенка за то, что он доверяет моему мужу. Нельзя было злиться на Таисию за то, что она выжила, потому что Арсен ее спрятал. Нельзя было даже злиться на Арсена за то, что он помогал им.

Но боль не всегда честная.

Она хватается не виноватых. Она хватается тех, кто ближе.

Мы спустились по лестнице, не пользуясь лифтом. На третьем этаже Арсен вдруг остановился и поднял ладонь. Все замерли.

Я услышала только собственное дыхание.

Потом — шаги снизу.

Назаров бесшумно ушел вперед. Через несколько секунд тихо сказал:

— Свои.

Я почувствовала, как спина покрылась холодом.

Так люди не выходят из любовного скандала.

Так людей выводят из зоны поражения.

У подъезда стояли три машины. Две темные, без номеров на привычном месте, одна с обычными городскими табличками, слишком обычная, чтобы быть случайной. Дождь усилился. Фонари размазывали свет по мокрому асфальту, во дворе гудел чей-то кондиционер, на детской площадке качели дергались от ветра.

Обычный город. Ненормальная ночь.

Таисию и Льва быстро посадили во вторую машину. Мальчик успел посмотреть на меня через стекло. Я не знала, что он увидел на моем лице. Надеюсь, не страх.

— Вы с Назаровым, — сказал мне Арсен.

Я остановилась.

— Нет.

Он повернулся.

— Варвара.

— Я еду с вами.

Назаров замер у открытой двери.

Арсен посмотрел на меня долгим тяжелым взглядом.

— Сейчас не время...

— Только не начинайте.

У него дернулась скула.

Я шагнула ближе, чтобы остальные не слышали.

— Вы обещали ответы. Или уже передумали?

— Разговор в машине отвлечет.

— Меня отвлекает, когда меня перевозят как чемодан.

Несколько секунд он молчал.

Дождь стекал по его виску, собирался у линии челюсти. Он не вытирал. Смотрел на меня так, будто снова выбирал между безопасностью и моим правом быть человеком.

На этот раз выбор дался ему видимо тяжелее.

— В мою машину, — сказал он наконец.

Назаров не выразил ничего, но я почти услышала его внутренний вздох.

Арсен открыл заднюю дверь внедорожника. Я села сама, прежде чем он успел помочь. Салон пах кожей, холодным металлом и его парфюмом. Тот самый сухой запах, который еще утром жил в нашей прихожей.

Арсен сел рядом, не впереди.

Это удивило.

Я думала, он займет пассажирское место, будет отдавать команды водителю, смотреть на дорогу, решать. Но он сел со мной на задний ряд. Между нами было свободное место. Слишком мало для чужих людей, слишком много для супругов.

Водитель посмотрел в зеркало.

— Готовы.

— Пошли, — сказал Арсен.

Колонна тронулась.

Сначала медленно, почти лениво, чтобы не привлекать внимания. Мы выехали со двора, повернули в узкий переулок, миновали магазин, где под навесом курили двое парней. Они даже не посмотрели в нашу сторону.

У нормальной жизни есть неприятная особенность: она продолжается рядом с твоей катастрофой, будто ничего не заметила.

Я смотрела в окно, пока дом на Кедровой не исчез за поворотом.

— Таисия и Лев будут в безопасности? — спросила я.

— Да.

— Это не ответ. Это успокоительное.

Арсен помолчал.

— Их перевезут на резервный адрес. Там другая группа, другой контур связи, другой врач для мальчика. Первые сутки они будут без внешних контактов.

— Даже со мной?

— Особенно с тобой.

Я повернулась к нему.

— Арсен.

— Ты стала точкой привязки, Варвара. После фонда и после того, как пришла на Кедровую. Любой контакт с тобой теперь риск для них и для тебя.

— Очень удобно. Только я нашла письмо, которое они отправляли мне. Значит, контакт был задолго до сегодняшнего дня.

— Да.

Одно короткое слово.

Я ждала продолжения.

Он смотрел прямо перед собой. Профиль жесткий, усталый. Свет фонарей проходил по лицу полосами: скулы, темные ресницы, линия рта. Я слишком хорошо знала это лицо и слишком плохо знала человека за ним.

— И вы знали, — сказала я.

— Узнал позже.

— Когда?

— После смерти Даниила Кретова.

— Четыре месяца назад.

— Почти.

— И все это время молчали.

Арсен повернул голову.

— Да.

Честность без объяснения тоже может быть жестокой.

— Почему письмо исчезло из моего фонда?

— Я не знаю.

— Не верю.

— Это твое право.

Я усмехнулась.

— Спасибо, что разрешили.

Он не ответил.

За стеклом город становился шире. Мокрые проспекты, редкие машины, светофоры, отражения в лужах. Мы ехали не к центру, а в сторону промзоны у воды. Впереди шла машина сопровождения. В зеркало я видела вторую — там, где были Таисия и Лев. Между нами держали дистанцию.

— Что было в письме? — спросил Арсен.

— Вы не читали?

— Нет.

— Но знали, что оно есть.

— Знал, что Даниил пытался выйти на тебя. Не знал, дошло ли обращение.

— А спросить меня было нельзя?

Его взгляд стал тяжелее.

— Тогда я еще не понимал, кто внутри задействован.

— Внутри чего?

— Управления.

Слово легло между нами, как холодная деталь механизма.

— Вашего управления.

— Да.

— «Контура».

— Да.

— И вы спрятали вдову с ребенком вместо того, чтобы официально расследовать смерть ее мужа?

— Я не спрятал вместо. Я спрятал, чтобы они дожили до расследования.

— Очень красиво звучит.

— Это правда.

— Правда была бы, если бы вы пришли домой и сказали: Варя, есть женщина и ребенок под защитой, я не могу раскрыть детали, но между нами ничего нет. Вы могли сказать хотя бы это.

Он молчал.

Я почувствовала, как голос становится ниже. Опаснее.

— Вы понимаете? Хотя бы это. Не схему, не фамилии, не допуски, не государственные тайны. Одну человеческую фразу для женщины, которая семь лет спит рядом с вами. «Я тебе не изменяю». Это тоже было закрыто?

Арсен отвернулся к окну.

Машина плавно вошла в поворот. Дождь бил по стеклу быстрее.

— Я хотел держать тебя в стороне.

Я закрыла глаза.

Вот он. Главный ответ всех этих лет.

Не «я не мог». Не «я боялся». Не «я ошибся».

Я хотел держать тебя в стороне.

— От правды? — спросила я.

— От риска.

— Вы не видите разницы.

Он посмотрел на меня.

— Риск был реальным. Сегодня ты это видела.

— Я видела последствия вашего молчания.

— Если бы я сказал тебе о Таисии, ты бы начала искать.

— Конечно.

— И пришла бы туда раньше.

— Возможно.

— Без понимания угрозы.

— Зато с пониманием, что мой муж не завел вторую семью.

Он сжал челюсть.

— У меня нет второй семьи.

— А первая у вас была?

Фраза вырвалась быстрее, чем я успела ее остановить.

Арсен будто принял удар в грудь. Не показал почти ничего, но дыхание стало другим.

Мне стало больно сразу после того, как я сказала. Не потому, что неправда. Потому что правда иногда режет того, кто ее произносит.

— Варвара...

— Нет. Ответьте. У вас была семья? Или удобный адрес, куда можно вернуться, когда все остальные задачи закрыты?

— Ты никогда не была для меня адресом.

— А кем была?

Он молчал.

Я почти засмеялась.

— Вот поэтому я и подала на развод.

Водитель впереди сидел неподвижно, будто оглох по собственной воле.

Арсен медленно провел большим пальцем по костяшкам другой руки. Сдержанный жест. Слишком знакомый. Так он делал, когда у него болела старая травма после долгого дня. Или когда хотел сказать что-то и не находил безопасной формы.

— Ты была единственным местом, куда я хотел возвращаться, — сказал он наконец.

Сердце дернулось.

Я возненавидела его за эту фразу.

Потому что раньше она могла бы спасти многое.

— Хотели, — повторила я. — Но не возвращались.

— Возвращался.

— Телом. Иногда.

Он закрыл глаза на секунду.

— Да.

Машина внутри казалась слишком тесной.

Между нами стояли не только сегодняшние документы. Там были все годы, когда я пыталась быть понятливой. Все вечера, когда слушала короткие гудки. Все его «потом», которые складывались в стену.

Я посмотрела в окно.

— Кто такой Даниил Кретов?

Арсен принял смену темы. Не потому, что хотел. Потому что мы оба понимали: если продолжить про нас, станет невозможно говорить о деле.

— Инженер технической группы. Работал с комплектами аварийного доступа, тросами, датчиками, защитными блоками, маршрутными контейнерами.

— Контейнерами?

— Комплекты, которые уходят с группой на выезд. Внутри оборудование по задаче. Даниил обнаружил, что часть оборудования проходит по документам как новое, а фактически либо восстановленное после списания, либо не соответствует классу допуска.

— То есть людей отправляли с браком.

— Да.

— И они могли погибнуть.

— Да.

Короткие ответы. Но за каждым стояли фамилии из моего шкафа.

Мартынов.

Северцев.

Кальмин.

Я почувствовала, как внутри поднимается уже не личная боль, а профессиональная злость. Та самая, с которой я писала жалобы, добивалась экспертиз, сидела в коридорах ведомств рядом с женщинами, которым говорили: «Ваш муж сам нарушил инструкцию».

— Сколько дел? — спросила я.

Арсен не ответил сразу.

— Мы проверяем.

— Сколько, Арсен?

— Минимум шесть эпизодов за три года. Возможно, больше.

Я медленно выдохнула.

Шесть.

Шесть семей, которым могли сказать, что виноват погибший. Шесть папок. Шесть чужих кухонь, где люди сидели ночью с документами и пытались понять, почему правда выглядит как закрытая дверь.

— И мой фонд занимался некоторыми из них, — сказала я.

— Да.

— Поэтому Кретов шел ко мне.

— Да.

— И поэтому мой архив вскрыли.

— Вероятно.

— Не «вероятно». Его вскрыли после того, как я подала на развод и перестала быть вашей контролируемой женой. Совпадение?

Арсен посмотрел на меня внимательно.

— Ты думаешь, за тобой следили через меня?

— Я думаю, за мной следили потому, что вы решили молча держать меня рядом с делом, о котором я не знала.

— Ты не была рядом с делом.

— Таисия писала мне. Ее муж выбрал меня. Мой архив вскрыли. Меня сегодня встретили у ее двери. Как это называется на вашем языке?

Он молчал.

— Связанная фигура? Побочный риск? Гражданский контакт?

— Варвара.

— Нет, правда интересно. Как вы меня обозначили в документах? «Супруга руководителя, не информировать»?

— Тебя нет в документах.

— Зато я есть в жизни.

Слова повисли в салоне.

Арсен отвел взгляд первым.

— Я пытался убрать тебя из линии удара.

— Не сказав, где линия.

— Потому что если бы ты знала, ты бы не отошла.

— Да.

— Вот именно.

— А вы когда-нибудь думали, что это мое решение?

Он резко повернулся ко мне.

— Когда на человека охотятся, его решение может убить не только его.

— А когда человека лишают права знать, его может убить чужое решение.

Он замолчал.

Впереди машина сопровождения перестроилась левее. Наш водитель тоже чуть сбросил скорость.

Я заметила это, потому что за последние часы во мне проснулась какая-то новая внимательность. Или старая, профессиональная, просто теперь направленная не на бумаги, а на дорогу.

— Что происходит? — спросила я.

Арсен не сразу ответил. Посмотрел в боковое зеркало, потом в телефон с защищенным каналом.

— Маршрут меняем.

— Почему?

— Впереди ремонт.

Я посмотрела через лобовое стекло.

Ремонт действительно был: оранжевые конусы, временный знак, грузовик с аварийной мигалкой у обочины. Дорога сужалась перед мостом через промышленный канал.

— Ночью? — спросила я.

Арсен уже не смотрел на меня.

— Назаров, статус второй машины.

В динамике раздался голос:

— Вторая за нами, дистанция восемьдесят. Хвоста не вижу.

— Водитель, не заходить в сужение, — сказал Арсен.

Водитель коротко кивнул и начал перестраиваться.

В этот момент грузовик у обочины включил дальний свет.

Белая вспышка ударила в лобовое.

Я зажмурилась.

Машина резко дернулась.

— Вниз! — сказал Арсен.

Не крикнул. Сказал.

И уже через долю секунды его рука легла мне на затылок, пригибая к сиденью.

Я не успела возмутиться.

Слева ударил рев двигателя.

Что-то темное вылетело из-за грузовика и пошло прямо на нас.

Водитель выругался и выкрутил руль. Внедорожник бросило вправо. Ремень впился в грудь. Папка Таисии, которую я так и не отдала Полине, ударила о мои колени.

Снаружи раздался глухой металлический удар.

Не по нам.

По машине впереди.

Сопровождение приняло удар боком. Темный внедорожник, вылетевший из-за грузовика, врезался в него под углом, толкая к ограждению. Искры резанули по мокрому асфальту. Звук был страшный — железо складывалось, как бумага, только громче и живее.

— Держись! — Арсен рывком притянул меня ниже.

Наш водитель ушел влево, почти задевая конусы. Машину бросило на мокрой дороге. На секунду я увидела в окне вторую машину — ту, где были Таисия и Лев. Она резко тормозила, уходя назад.

— Вторая? — Арсен уже говорил в микрофон.

— Цела! Уходим назад! — ответил Назаров с хрипом.

Еще один удар.

На этот раз сзади.

Наш внедорожник мотнуло вперед. Я ударилась плечом о дверь. Боль вспыхнула бело и тут же ушла куда-то на задний план. Водитель удержал машину, но нас развернуло почти поперек полосы.

— Пригнись, — сказал Арсен мне.

— Я пригнулась!

— Ниже.

— Арсен...

Он закрыл меня собой.

Вот так просто.

Не красиво. Не романтично. Тяжело навалился корпусом, закрывая от окна, от возможного удара, от того, чего я еще не видела. Его рука легла на мое плечо, другая уперлась в переднее сиденье. Я почувствовала его дыхание у виска, запах дождя от куртки, бешеное напряжение мышц.

Сердце почему-то ударило не от страха.

От памяти.

Сколько раз я мечтала, чтобы он был так близко? Чтобы закрывал не потому, что «надо», а потому что не может иначе?

А сейчас ненавидела эту близость.

Потому что мне было страшно.

Потому что рядом с ним тело все еще верило, что выживет.

Снаружи хлопнул выстрел.

Или мне показалось.

Стекло с моей стороны покрылось белой паутиной трещин.

Я вдохнула резко, но Арсен уже сдвинул меня ниже, почти на сиденье.

— Бронированное, — сказал он. — Не дергайся.

— Не командуйте.

— Варя, сейчас можно?

Я замолчала.

Да.

Сейчас можно.

Водитель включил задний ход, резко сдал назад, потом вывернул. Шины заскользили. Где-то впереди орала сигнализация. Люди Арсена кричали короткими командами. Вторая машина уходила в боковой проезд.

— Северный дублер закрыт! — донеслось из рации. — Первая повреждена, люди живы, нужна эвакуация!

Арсен поднял голову на долю секунды.

— Уводи нас к воде.

— Там тупик, — сказал водитель.

— Там старый выезд.

— Закрыт воротами.

— Снесешь.

Водитель даже не спорил.

Машина рванула вперед, свернула так резко, что меня бросило на Арсена. Он удержал. За окном мелькнули складские стены, мокрые трубы, темный канал. Сзади кто-то снова ударил по газу.

Нас преследовали.

Это осознание пришло странно поздно.

Не нападение на чужих людей. Не абстрактная угроза. Кто-то сейчас хотел остановить именно эти машины. Именно нас. Таисию, Льва, Арсена. Меня.

Я сжала пальцами край сиденья.

— Кто это? — спросила я.

Арсен не ответил.

— Кто?!

— Те, кто не хочет, чтобы Лев доехал до нового адреса.

— А я?

Он посмотрел на меня.

В полутьме салона его глаза казались почти черными.

— Теперь и ты.

Машина влетела в узкий проезд между складами. Впереди действительно были ворота — старые, металлические, с цепью. Водитель не сбросил скорость.

— Держитесь, — сказал он.

Я успела только вдохнуть.

Удар.

Ворота распахнулись не сразу. Сначала металл взвыл, прогнулся, цепь лопнула с сухим звоном, потом створки разлетелись в стороны. Машину подбросило, я больно ударилась коленом, Арсен снова закрыл меня локтем от переднего сиденья.

Мы выскочили на боковую дорогу у воды.

Позади второй автомобиль преследователей не успел пройти так же чисто. Его занесло на мокром металле ворот, ударило боком о столб. Раздался скрежет, потом короткий треск. Фары перекошились и замерли.

Наш водитель не остановился.

Еще пять минут мы ехали быстро, почти без света, по каким-то узким служебным дорогам. Город исчез. Остались склады, заборы, темная вода и дождь.

Никто не говорил.

Я слышала только дыхание. Свое, водителя, Арсена.

И рацию, где коротко докладывали:

— Вторая ушла. Креты целы.

— Первая повреждена. Один ранен, не критично.

— Хвост потеряли.

— Перехват официальным не давать до команды.

Один ранен.

Машина сопровождения приняла удар вместо нас. Вместо меня. Вместо Таисии и Льва. Кто-то сейчас сидел в искореженном салоне, потому что я поехала на Кедровую? Или потому что адрес все равно был раскрыт? Или потому что вся эта история давно катилась к столкновению, а я просто оказалась внутри?

Меня начало трясти.

Сначала пальцы. Потом плечи. Потом все тело.

Я попыталась сдержаться, но не получилось.

Арсен сразу заметил.

— Варвара.

— Не надо.

— Посмотри на меня.

— Нет.

— Дыши медленнее.

— Не командуйте моим дыханием.

Он замолчал.

Через секунду снял с себя куртку и накинул мне на плечи.

Я хотела сбросить. Правда хотела.

Но мне было холодно.

Так холодно, что зубы стучали.

И я оставила.

— Плечо болит? — спросил он.

Я только сейчас вспомнила удар о дверь.

— Терпимо.

— Покажи.

— Нет.

— Варвара.

— Я сказала нет.

Он медленно откинулся назад.

Не полез. Не взял за руку. Не осмотрел силой.

Опять маленькая победа.

Опять почти больно.

Машина выехала к старому административному зданию за промзоной. Ни вывесок, ни света в окнах, только шлагбаум и человек в дождевике, который открыл нам без вопросов. Внутренний двор был закрыт со всех сторон. Там уже стояла вторая машина.

Таисия выбралась из нее бледная, как бумага. Лев спал у нее на руках или делал вид, что спит. Назаров стоял рядом, прижимая телефон к уху. На его щеке была ссадина.

Мы остановились.

Арсен вышел первым. Оглядел двор, людей, окна, въезд. Потом открыл мою дверь.

— Можешь идти?

— Да.

Я выбралась сама.

Ноги держали плохо, но держали. Куртка Арсена висела на плечах тяжелым теплым грузом. Я сразу сняла ее и протянула ему.

Он не взял.

— Оставь пока.

— Не надо.

— Ты замерзла.

— А вы мокрый.

— Я переживу.

— Уверена, вы переживете многое.

Фраза вышла резче, чем нужно. Может быть, потому что я все еще слышала металл, ударивший по металлу. Может быть, потому что его куртка пахла им. Может быть, потому что он был прав — я замерзла.

Арсен взял куртку, но не надел. Просто держал в руке.

Таисия подошла к нам.

— Это из-за нас, — сказала она.

— Нет, — ответил Арсен.

— Из-за меня, — сказала я.

Он резко повернул голову.

— Нет.

— Я приехала на Кедровую. Через меня могли выйти на адрес.

— Адрес был раскрыт до твоего приезда.

— Откуда вы знаете?

— Потому что группа у дома появилась до того, как ты поднялась в квартиру.

Я замолчала.

Он знал.

Конечно, он знал. Камеры, люди, наблюдение, маршруты. Он всегда знал больше, чем говорил.

— И не сказали мне?

— Ты была уже внутри.

— Можно было позвонить раньше.

— Я звонил.

Пропущенные вызовы.

В фонде.

В такси.

До подъезда.

Я отвела взгляд.

Не вина. Нет. Я не собиралась снова брать на себя то, что принадлежит другим. Но кусочек правды был неприятным: я тоже выбирала не слышать.

Таисия тихо сказала:

— Лев испугался, но не пострадал. Спасибо.

Я не сразу поняла, что она обращается ко мне.

— Я почти ничего не сделала.

— Вы открыли дверь вместо меня.

Она сказала это просто.

И от этого вдруг стало трудно дышать.

Я открыла дверь не из героизма. Из злости. Из страха. Из желания перестать быть той, кому все приказывают прятаться. Но результат был один: за дверью не оказались Таисия и Лев.

Арсен смотрел на меня, и я не хотела знать, что он думает.

— Их внутрь, — сказал он Назарову. — Врач, горячее, проверка связи. Мальчика не допрашивать.

— Понял.

Таисию повели к зданию.

Лев вдруг проснулся, поднял голову с ее плеча и посмотрел на Арсена.

— Ты придешь?

Арсен подошел к нему.

— Приду.

— Сегодня?

— Сегодня.

— Не как в прошлый раз?

Таисия закрыла глаза.

Арсен на секунду стал совсем неподвижным.

— Не как в прошлый раз, — сказал он тихо.

Я отвернулась.

Эта сцена была чужой. И одновременно объясняла слишком много. Арсен действительно приходил к ним. Обещал ребенку. Отсутствовал. Возвращался. Строил вокруг них защиту, а вокруг меня — стену.

Ревность не ушла.

Она просто стала другой.

Не к женщине. К правде, которую он отдавал всем, кроме меня.

Когда Таисия с Львом скрылись внутри, я осталась во дворе с Арсеном, Назаровым и водителем. Дождь почти закончился. Вода стекала по воротнику, по волосам, по лицу. Я вдруг почувствовала усталость такой силы, что захотелось сесть прямо на мокрый асфальт.

— Варвара, — сказал Арсен. — Нам нужно внутрь.

— Нет.

Он медленно повернулся ко мне.

— Что нет?

— Не «нам». Мне нужно объяснение. Сейчас.

— Здесь небезопасно.

— Тогда найдите безопасное место в десяти метрах. Вы же генерал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.